

НАТАЛИ МОСКОВСКИХ

ТЕРРИТОРИЯ ХОЛОДА

16+

Наталия Московских
Территория Холода

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Московских Н.

Территория Холода / Н. Московских — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

ISBN 978-5-532-97730-3

Школа-интернат в удаленной от цивилизации лесной глуши живет по своим законам. Здесь нет имен и нет традиции помогать новичкам обустроиться. Здесь тех, у кого нет сил, помещают в казарму. Здесь один и тот же сон может бродить от ученика к ученику, пока не придет Холод — таинственный и зловещий хозяин территории, от прикосновения которого исчезаешь без следа. Кем ты станешь, оказавшись здесь? Сновидцем-предсказателем, героем или пропавшим, о котором быстро забудут? Захочешь ли разгадывать тайны этого места или предпочтешь закрыть на них глаза? Пришло время выбирать.

ISBN 978-5-532-97730-3

© Московских Н., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Я – Старшая	5
Глава 2. Его еще не назвали	10
Глава 3. Истинное дитя этого места	14
Глава 4. К вам новенький	16
Глава 5. Это Казарма, малыш	18
Глава 6. Пудель	22
Глава 7. Ты знал?	29
Глава 8. Ночное дежурство	34
Глава 9. При свете страха могут рассеяться	40
Глава 10. Будем знакомы, Спасатель	44
Часть вторая	52
Глава 11. О портретах соседей, ночных разговорах и заботе интерната	52
Глава 12. О наплевательском отношении, достопримечательности и приказах	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Наталия Московских

Территория Холода

Часть первая

Новичок

Глава 1. Я – Старшая

НОВИЧОК

Так бывает.

Жизнь делает крутой поворот и начинает отчаянно мчаться по ей одной ведомой траектории. А все, что было до поворота, скрывается в тумане – уж и не разглядеть. События прежней жизни начинают таять, как тают застигнутые утренними сумерками ночные тени. Перед глазами остается только рвущаяся вперед петляющая лента шоссе и затылок водителя, едва выглядывающий из-за подголовника.

Водитель молчалив, почти неподвижен и сосредоточен, каким ему и полагается быть. Черная машина с затянутыми темным мутным бельмом окнами на пассажирских местах скребет колесами раненое шоссе, изредка испуганно вздрагивая на особо крупных его рубцах.

Дергаюсь вместе с машиной и вдруг понимаю, что по этой дороге очень давно никто не ездил. Из-под колес выныривают полупрозрачные силуэты потревоженной дорожной пыли. Застывшие в плотной паутине тумана пейзажи дышат сыростью, глотают росу, и стоят нетронутые, как забытые в кладовке музейные экспонаты. Рывки на дороге – давние, никого не беспокоящие, не изъезженные и не запущенные, какими могли бы стать, реши кто-нибудь вытянуть из шоссе последние соки полезности. Но нет, дорога пуста, на встречной полосе – ни единой машины. Это даже слегка пугает.

Совсем слегка.

Гораздо меньше, чем место, где дорога заканчивается. Гораздо меньше, чем неизвестность, это место окутывающая. И уж точно гораздо меньше, чем навязчивые мысли, кричащие мне: «Там, куда тебя везут, тебе будет очень плохо».

Окно дразнит меня нечетким отражением, и я замечаю, как мои губы обиженно надуваются, как будто мне отчаянно хочется хныкать. Недовольный собой, кривлюсь, заставляя отражение измениться. Отражение соглашается – и поддается. Так лучше. В голове у меня куча вопросов, вьющаяся стайей надоедливых мух, но я отмахиваюсь от нее. Все равно ответы давать некому – не Затылок же, в конце концов, расщедрится на внятный рассказ. Впрочем, и без рассказа ясно, что ничего хорошего можно не ждать. Интернат в богом забытой глуши, откуда некуда бежать, даже если выскользнуть из-под надзора воспитателей. Уж и не вспомнить, какой он у меня по счету – и интернат, и побег. Пытаюсь и впрямь подсчитать, но цифры застывают в голове, будто замороженные усыпляющим дыханием висящего за окном тумана.

Плывать.

Какой бы это ни был интернат, все они, по сути своей, одинаковые. И новичков там не любят, а я – самый что ни на есть новичок.

Под гнетом чугунных мыслей все больше снижаю, тайком жалея себя и вжимаясь в сиденье. Тем временем лента шоссе успевает смениться грубой грунтовой насыпью, а по обе стороны от машины вырастает густой смешанный лес. Колеса с жующим хрустом начинают ерзать по неровностям. Машина крадется медленно, будто правящий ею Затылок раздумывает, не сменить ли ему курс в последний момент.

На одной из кочек я подскакиваю слишком высоко и от страха удариться головой о потолок громко охаю, тут же прикрывая рот рукой, устыдившись секундного беспричинного испуга. Пальцами чувствую закоченевший кончик носа и впрямь замечаю, как похолодало. И когда только успело?

Делаю выдох, и изо рта вырывается облачко пара. Я удивленно пялюсь в пространство, где только что растворился мой выдох, и уверяю себя, что мне это почудилось. Стало, конечно, холодно, но не настолько же! Однако похолодевшие руки я невольно потираю, чтобы согреть, и растерянно озираюсь по сторонам, почти готовый поверить, что машина везет меня напрямик в зиму.

Однако зимой вокруг не пахнет. Густой лес шелестит зеленой листвой и трещит ветками. Он вовсе не выглядит таким холодным, каким я его представляю.

– Здесь болото вокруг. Вот и холодно, – долетает до меня с водительского места. Затылок при этом все так же неподвижен, и оттого кажется, будто голос доносится не из горла человека, а отовсюду разом. Я ежусь, мне становится не по себе, даже почти жутко. Поэтому вместо того, чтобы поддержать беседу, тарашусь Затылку в затылок и молю про себя:

Пошевелись...

Миг... другой... проходит целая вечность, прежде чем затылок все-таки шевелится: голова водителя немного наклоняется вправо. Звучащий отовсюду голос при этом добавляет:

– Сыро.

Если от этого мне должно было потеплеть или полегчать, способ не срабатывает.

Итак, значит, я еду в царство болотного холода посреди сырой лесной глуши. Единственный вопрос, которым я задаюсь и который не могу отогнать, это: «Насколько же дефективным я должен быть, чтобы заслужить такую судьбу?».

Хруст шин по гравию обрывается неожиданно. Машина останавливается на участке уже даже не грунтовой дороги, а травы. Затылок остается без движения, а его голос с вытравленными оттенками сообщает мне:

– Прибыли. Выходи. Я вынесу вещи.

Не речь, а чеканка.

Я морщусь. Мне почему-то хочется спорить и возражать, хотя дельных аргументов подобрать не удастся. Менторский тон водителя тем временем эхом звучит у меня в ушах, повергая в бешенство – горячее, почти жгучее.

Спохватившись, понимаю, что даже холод куда-то схлынул. Вот ведь!

– Выходить будешь? – окликает меня Затылок. Как будто у меня есть выбор! Сам он при этом выйти не спешит. Снова ловлю в его голосе командирские нотки и давлюсь злостью.

– Да буду, буду. Сейчас. – Хочу скопировать его тон, но получается, скорее, лениво. Лучше бы развязно, но развязно тоже не выходит: слова напоминают растянутую безвкусную жвачку.

Затылку на мой тон глубоко наплевать, он ждет, что я, наконец, выйду.

Смирюсь и нехотя тяну на себя ручку двери, вываливаясь в обитель болотной сырости и давая себе слово хорошенько рассмотреть лицо водителя, когда он повернется. Пока выхожу, Затылок успевает обогнуть машину и скрыться за багажником. Ничего себе, какой резвый! Что ж, идти тарашиться на него специально будет совсем уж нелепо. Поэтому вдыхаю витающие в воздухе призраки тины и тоскливо смотрю на ворота. Кованое старье с ржавыми прорехами. Забор по обе стороны от них тянется строем черных колец без начала и конца. Не хватает

только колючей проволоки. Впрочем, в этом концлагере ее роль, наверное, играет сырой промозглый лес.

За высокими воротами змеится поросшая травянистым узором тропинка из древней рас трескавшейся плитки. По обе стороны от нее беспорядочно разбросаны чахлые деревца и приземистые кустики, а кое-где даже возвышаются небольшие перелески, растущие прямо на территории интерната. Вдалеке справа, укутанное покрывалом еще не облетевшей листвы и тумана, виднеется грязно-белое здание в пять этажей. Далекие окна черны: видать, обитатели комнат еще спят.

Гляжу вдаль, пытаюсь рассмотреть, что еще меня ждет в этом плененном тиной захолустье. Вижу нечто двухэтажное, со старыми покосившимися рамами окон и выцветшими бирюзовыми стенами. Еще дальше... другое здание, но характерных черт отсюда уже не разглядеть.

Прерывая мою рекогносцировку, клочья тумана вдруг расступаются, и я шурю, пытаюсь рассмотреть, перед кем. С удивлением распознаю фигуру подростка – моего возраста, может, даже младше. У фигуры длинные волосы, забранные в высокий хвост, маятником раскачивающийся сзади с каждым пружинящим шагом. На лоб падает челка, и я делаю окончательный вывод, что направляется ко мне все-таки девчонка, хотя по ее бесформенной серой толстовке, болтающимся джинсам и угловатому телу легко принять ее за тщедушного паренька.

Девчонка идет одна, взрослых при ней нет. Походка у нее, несмотря на нервную пружинистость, уверенная, целеустремленная. Так ходят те, кто знает, чего хочет, и не испытывает сомнений. Сразу понятно: она здесь давно.

Сумка с вещами с грохотом падает к моим ногам, и я чуть не подпрыгиваю от неожиданности.

– Твои вещи, – слышу я. На секунду растерявшись, я напрочь забываю о своем желании рассмотреть лицо водителя. Прихожу в себя, оборачиваюсь, но вот уже снова вижу Затылка только со спины. Он садится в машину, колеса мягко шуршат по траве и снова вгрызаются в гравий.

Не успеваю разобраться, что ощущаю: облегчение или напряжение. Из раздумий меня вырывает заунывный стон ворот. Вроде, девчонка только что была достаточно далеко, и вот уже вышла за территорию интерната...

... и уставилась на меня. Нехорошим таким взглядом. Оценивающим, серьезным и будто потухшим, словно сам факт моего приезда для нее – одно большое разочарование и нешуточная головная боль. Ничего не скажешь, хорошенькое начало.

Заговаривать первой девчонка не спешит. Видимо, приветствовать новичков здесь не принято. А мне молчать совсем уж неумоготу, по крайней мере, не после командирских реплик Затылка. Только, что говорить, я даже не представляю, поэтому, не раздумывая, выпаливаю:

– Ого! Тут открыто? А я думал, ворота запираются должны.

Девчонка смотрит на меня, как на последнего дурачка. По правде говоря, под такими вот молчаливыми оценивающими взглядами я себя именно так и чувствую, поэтому в ответ, как правило, либо теряюсь, либо злюсь. Никто не любит застенчивых, так что сейчас мне бы разозлиться, не то эта девчонка будет первой, у кого здесь появится повод меня цеплять. Но я, как назло, тушуюсь, нервно переступаю с ноги на ногу и не знаю, куда себя деть.

– Здесь незачем запирасть, – наконец отзывается девчонка. Голос у нее оказывается взрослым и удивительно хриплым, как если бы она курила с пеленок. Этот голос, по мне, совсем с ней не вяжется. И пока я пытаюсь соотнести увиденное с услышанным, она продолжает: – Уходить тут некуда. Ты разве не заметил, пока тебя везли?

Мнусь и, сам того не замечая, растягиваю губы в глупой улыбке. Неприветливость этой девчонки мне не нравится, и я хочу наладить контакт. Иначе, чую, будет совсем худо.

– Ну да. И правда, некуда, – соглашаюсь. – Лес кругом и, вроде, болото. Сыро тут, – зачем-то повторяю то, что услышал от водителя. Это кажется мне полным идиотизмом, и я добавляю: – Далековато от цивилизации.

Взгляд девчонки меняется, но уютнее мне от этого не становится. Теперь она смотрит до омерзения сочувствующе, будто раздумывает, как бы поделикатнее сообщить мне, что изучила мою медицинскую карту, и, судя по ней, я нежилец. Мне очень хочется, чтобы она прекратила себя так вести, и я уже набираю в грудь воздух, собираясь об этом попросить, но девчонка меня опережает.

– Идем, – говорит она. – Не стоит тут долго оставаться.

Ее деловитость порядком раздражает меня. Почему меня вообще встречает подросток? Где какой-нибудь... администратор или воспитатель... или кто еще здесь этим должен заниматься?

– А разве не надо дождаться кого-то из взрослых? – спрашиваю я, подхватывая сумку с земли. Делаю два шага к входу, не глядя, и чуть не натыкаюсь на замерший на воротах рукав поношенной толстовки. Шлагбаум серого рукава не опускается, будто после моего вопроса пропустить меня будет признаком дурного тона.

Я отшатываюсь и крепче сжимаю лямку сумки. Девчонка буравит меня недовольным взглядом, лицо у нее кривится, как у человека, готового тебя отчитать.

– Что? – вскидываюсь я. – Ты сама говорила, что пора идти. Чего встала-то? На вопросы, между прочим, могла бы и ответить. Сложно, что ли? Я ведь ничего тут не знаю!

Она медленно пятится от ворот к тропинке, вся дребезжаще-сжатая, как собака, которая вот-вот кинется. Приструнил я ее, или нет – никак не пойму. Но смущенной она не выглядит в отличие от меня. А я уже жалею, что в первый же миг нагрубил незнакомому человеку, да еще и девчонке. Не то чтобы я такой уж поборник этикета, просто девчонки такого не забывают и не прощают. Они помнят и ждут удобного случая, чтобы сделать тебе по-настоящему колкую гадость.

Неприятная встречающая тем временем снова внимательно на меня пялится – как по мне, ужасно долго. Но затем, наконец, делает рукой приглашающий жест.

– Идем, – сухо повторяет она, поворачивается ко мне спиной, сильно сутулится и шагает ногами-пружинками в сторону корпусов.

Идти по змеящейся плиточной дорожке рядом не получится, даже если очень постараться, а моя провожатая стараться явно не хочет. Я уже понимаю, что она ничего, кроме раздражения, у меня не вызывает, и вряд ли это изменится, поэтому я надеюсь, что в интернате мы почти не будем пересекаться.

Свои вопросы я приберегаю для более приятных собеседников, смирившись с тем, что эта задавака мне никаких напутствий и полезных советов давать не собирается. Поэтому очередной говорящий со мной затылок заставляет меня вздрогнуть от неожиданности.

– Здесь никто из *взрослых*, – она особенно едко выделяет это слово, – никого встречать не выходит. Поэтому ждать кого-то было бы бессмысленно. Самому надо заходить и самому устраиваться.

Я от этой ядовитой лекции едва не замираю. Во-первых, это самое длинное, что вылетело изо рта провожатой в мой адрес. Во-вторых, да это же дикость какая-то! Что за спартанские порядки?

– А если младшеклассники? – недоумеваю я.

Девчонка резко поворачивается ко мне и теперь явно злится, но быстро берет себя в руки.

– Даже малыши в состоянии пройти по *единственной* дороге, – фыркает она. – Обычно они так и делают. И ты бы мог.

Да чего она на меня так взъелась? Я ведь, в конце концов, не просил ее за мной выходить! Чего она так кидается на меня, как будто я лично поднял ее ни свет ни заря и заставил за мной сюда тащиться?

– Мог, – не отрицаю. Хочется скрипеть зубами от раздражения, но я почему-то сдерживаюсь. – Просто не знал, что здесь такие порядки. Конечно, я бы прошел, если б никто не стал встречать. Но ты же *сама* вышла. Зачем же пришла, раз тут так не принято?

Девчонка хмыкает и важно расправляет плечи.

– Пришла, потому что сама захотела, – тоном хозяйки заявляет она. – Думала, если кого из малышей привезли, помогу обустроиться. Как видишь, я не прогадала.

Тот факт, что девчонка сама себе противоречит, тонет для меня в облаке багровой злости, и я сжимаю кулак свободной руки.

– Да кого ты из себя строишь?! Тебя нормально общаться не учили?

Голос у меня срывается, и я звучу, как истеричный ребенок. Стыд и позор. Уголки губ провожатой самодовольно приподнимаются. Ну все, я пропал! Уж эта язва не упустит случая надо мной поиздеваться. Однако пока я готовлюсь ее нападкам, девчонка делается усталой и тяжело вздыхает.

– Слушай, – говорит она. Глаза у нее серые и невзрачные, зато взгляд пронизывает так, что начинают гудеть кости. – Я тут давно, а с тобой... с тобой пока ничего не понятно. Я тебя встречать и возиться с тобой не собиралась, но раз уж начала, провожу. Я так всегда делаю. Заканчиваю начатое. Я – Старшая.

Последняя реплика напрочь выбивает меня из колеи. Она странная – эта реплика. Как и сама девчонка.

– Мы... вроде, одного возраста, – неловко бурчу я. Моя провожатая закатывает глаза.

– Меня так здесь называют, – поясняет она.

Я моргаю.

– Это, что, прозвище такое, что ли?

– А я уж думала, ты совсем не соображаешь, – хмыкает Старшая. – Да. Прозвище. Хотя здесь это, можно сказать, имя. Самое настоящее. И другого нет.

– Эм... ладно. А я...

– А ты пока безымянный, – перебивает Старшая. – Сначала переночуй здесь, а потом знакомься. До этого момента с тобой даже никто не заговорит, так уж тут принято. Можешь считать это, – она медлит, подбирая слова, – испытанием новичка. Такой язык тебе, кажется, должен быть понятен.

Не берусь спрашивать, с чего она это взяла, тем более что она не ошиблась. Новичков часто испытывают, и порой гораздо жестче, чем однодневным бойкотом. Странная традиция. Не самая приятная, но сносная. Пока я облегченно вздыхаю, Старшая продолжает:

– Утром, когда проснешься, тебе представятся и назовут тебя.

Я вынырываю из своих мыслей и непонимающе качаю головой.

– Назовут? *Меня?* Как – назовут?

Старшая ухмыляется.

– Не знаю. Как вести себя будешь, так и назовут. У меня есть пара вариантов, но я, так и быть, тебя пощажу.

Я хмурюсь, давая в себе желание как следует оттащить ее за болтающийся высокий хвост, чтобы неповадно было.

– Странный обычай.

Старшая смотрит поучающе-пронзительно.

– Идем. Отведу тебя в ученический корпус, там разместишься, – говорит она и кивает. Мне ничего не остается, кроме как идти за ней.

Глава 2. Его еще не назвали

НОВИЧОК

Дорожка змеится, танцует и изгибается под моими ногами. По ее венам прорастает робкая трава и редкие одуванчики. Гляжу вдаль, стараясь рассмотреть, где старая плитка обрывается или хотя бы делает поворот, чтобы в какой-то момент замкнуться, но конца-края нет и, кажется, не предвидится. Какую же территорию занимает этот интернат? По всему выходит, что не меньше гектара. Может, потому воспитатели и не приходят встречать новеньких? Поди, наведи порядок на такой громадине! Тут не то что новичков – старичков бы не потерять и самим не заблудиться. Тем более на такой местности.

Уже хочу высказать свои соображения Старшей, но передумываю, заранее морщась от колкости, которую могу услышать в ответ. А без этого, я так понял, у Старшей ни одна беседа не обходится. Не повезло мне с встречающей, но я стараюсь радоваться, что есть хоть такая. Я ведь действительно мог довольно долго стоять у ворот в ожидании кого-то, кто бы вышел меня встретить, просто не догадавшись о здешних порядках. Впрочем, говорить об этом Старшей я, конечно, не буду. Лучше общаться в мыслях с самим собой, чем постоянно ждать нападков от собеседницы.

Первые полминуты пытаюсь прикинуть, как пройдет мое знакомство с остальными ребятами из комнаты, куда меня определят, и какое прозвище они мне дадут. Варианты почему-то один другого хуже. Сначала я волнуюсь, потом мне наскучивает: то ли волнения становятся так много, что оно перетекает в апатию, то ли я просто смиряюсь с судьбой. Следующим моим развлечением становится придумывание новых кличек для Старшей. Я мысленно начинаю с самых обидных, глядя ей в затылок, затем в голову приходят менее едкие варианты. Впрочем, мне вскоре начинает казаться, что в каждом из них чего-то не хватает, и это дело я тоже бросаю.

Несколько раз меня посещает мысль удрать от Старшей – прямо мимо разбросанных по нестриженному газону деревьев, в лес, к частоколу черного забора, а потом – вдоль по грунтовой дороге, мимо холодного леса к ленте шоссе, на свободу. Мысль пьянит меня и на миг наделяет ощущением невообразимой силы. Потом это тоже стихает. Куда я, в конце концов, пойду? Старшая правильно сказала, уходить тут некуда. Возвращаться с этим осознанием и позорно поникшей головой будет просто тошно. А я ведь вернусь, как только проголодаюсь и окончательно продрогну.

Вешаю нос и зачем-то сокращаю дистанцию, едва не наступая своей провожатой на пятки. Ее несколько не смущает моя спонтанная прилипчивость. Она по-прежнему собрана и серьезна, как ответственный человек, боящийся всех подвести при выполнении важного задания. Вот только, по словам Старшей, теперешнее задание она дала себе сама, и никто ее не заставлял. Задумавшись об этом, я понимаю, что моя провожатая явно любит усложнять себе жизнь.

Сложная, – приходит мне на ум новое прозвище, но его я тоже отбрасываю. В нем тоже чего-то не хватает.

По левую руку от нас, укутанный в лиственный саван стойких молодых деревьев, возникает небольшой домик, напоминающий огрызок большого грязно-белого интернатского корпуса. От ворот мне его было не видно, поэтому я удивляюсь, когда замечаю его. Одноэтажный, немного вытянутый в длину, с потрескавшимся крыльцом и темными глазами окон, – он чем-то похож на больницу в миниатюре. Из маленькой приплюснутой трубы на крыше идет

темный дымок. Пока мы проходим мимо, на крыльцо выходят с сигаретами два человека: оба взрослые, плечистые, одетые в одинаковые синие комбинезоны поверх выцветших футболок.

Рабочие, наверное, – думаю я. – А домик, значит, что-то вроде их ночлежки. Должны же они где-то жить: приходите на смену тут особо неоткуда.

Я делаю вывод, что в этот интернат, вероятно, всех привозят издалека на долгий срок – и учеников, и воспитателей, и рабочих... А увозят только в отпуск или по неотложному делу особой важности. Никто из работающих здесь людей не может быть местным, потому что кроме этого забытого богом интерната в округе ничего нет. Я невольно задумываюсь, сколько потенциальных отшельников собралось здесь, готовых жить отрезанными от мира почти круглый год. Либо это действительно целая армия одиночек, либо здесь все-таки не так плохо, раз люди сюда тянутся.

Мечтательно улыбаюсь последней мысли и стараюсь себя подбодрить, глядя в сторону горизонта. Дорожка продолжает тянуться перед нами нескончаемой лентой, оборванной по краям. Большой пятиэтажный корпус – который, судя по всему, и есть «ученический», – становится все ближе, и волнение мое снова нарастает. Хочу унять его и пытаюсь отвлечься, высматривая глазами выцветшее бирюзовое здание, которое заметил еще от ворот. Мы равняемся с ним только через пару минут. Отсюда оно кажется почти заброшенным, такой обветшалый у него вид.

– Что это такое? – невольно вырывается у меня.

Старшая вздрагивает, будто забыла о моем присутствии, но до того, чтобы полноценно обернуться, не снисходит, а просто слегка склоняет голову набок.

– Корпус воспитателей, – нехотя отвечает она. Я готовлюсь к тому, что на этом ответ оборвется, но Старшая расщедривается на новые подробности: – Не путай воспитателей с педагогами. Учителя живут в другом корпусе, он дальше. А то, что мы прошли...

– Жилище разнорабочих? – перебиваю я.

Старшая медлит.

– Да, – наконец, отвечает она. На этот раз никаких колкостей. Я миролюбиво улыбаюсь, внутри меня снова расцветает надежда на мирное сосуществование в этом концлагере. – Воспитатели тоже иногда проводят занятия, но в основном они... просто есть. Понимаешь?

От такой словоохотливости я едва не запинаясь о собственные ноги. По правде говоря, в том, что сказала Старшая, полезного мало, но беседу я все равно решаю поддержать.

– Понимаю. Судя по всему, надзор тут не особо строгий. Ворота не запирают, под конвоем новеньких не встречают, воспитатели «просто есть». Видимо, по большей части, им на нас тут наплевать.

Надеюсь на продолжение диалога, но Старшая, все так же пружиня на пятках впереди меня, лишь пожимает плечами, не подтверждая, но и не опровергая мои догадки.

В очередном микроскопическом перелеске, выросшем прямо на необлагороженной территории огромного интерната, показывается еще один корпус. В нем три этажа, окна смотрят на травянисто-кустистые заросли, ведущие к лесу и забору, а плачущие ручейками трещин стены маскируются среди растительности выжженной на солнце зеленой краской. В тени этого корпуса тоскливо таится небольшая потрепанная временем детская площадка с песочницей, несколькими сомнительного вида качелями, одинокой горкой и парой оборудованных турниками-переходами лесенок, у подножия которых основали колонию одуванчики.

Эта площадка поражает меня до глубины души. Пока что это первый намек на то, что здесь вообще водятся дети. И то, что сейчас здесь нет ни одного ребенка, наводит тоску и странную тревогу.

– А здесь живут маленькие, – объясняет Старшая. Мне западает в душу, что она назвала их именно «маленькие», а не, например, «малыши» или «младшеклассники». И в ее голосе

при этом зазвучала нежная, но очень глубокая тоска. Не знаю, почему, но я хорошо улавливаю такие вещи.

- Их... судя по размеру детской площадки, не очень много.
- И хорошо, – говорит Старшая. Меня удивляет это заявление.
- Почему? – невольно уточняю я.
- Голос Старшей становится строже.
- Малышам лучше быть с семьей.

Не сразу нахожусь, что на это ответить. А что тут скажешь? Когда тебя сплавляют в интернат, это обидно, даже когда ты вырастаешь, и до окончания школы остается год-два. Младшеклассникам, должно быть, это еще тяжелее дается.

- Ну да, наверное, – соглашаюсь.

Старшая меня уже не слушает. Она устремляет взгляд вдаль и вдруг начинает идти быстрее. Тогда я замечаю, что из-за изгиба дорожки к нам бежит целая группа ребятшек: настолько разных, что от оттенков их одежды, волос и кожи у меня начинает рябить в глазах.

– СтаршаРшаяШашаяРшаРшая! – кричат они наперебой, и кличка моей провожатой трансформируется в пугающее заклинание. Я отступаю под разноцветным и разномастным натиском младшеклассников, а они облепляют Старшую, как стайка рыб-прилипал, и лезут к ней обниматься.

Угловатая сутулая тшедушная девчонка в бесформенной серой толстовке вдруг преобразается вместе со своей кличкой. Но не в нечто пугающее, а наоборот. Руки ее нежно гладят детей по волосам, прежде хриплый голос звенит теперь приятным колокольчиком, в словах переливается блеск улыбки. Младшеклассники ей о чем-то рассказывают, сбиваются, не договаривают и перескакивают на новые истории, а она слушает. В ее облике не остается ни следа прежней небрежности и неприветливости. Наблюдаю за этой трансформацией, разинув рот, пытаюсь понять, как человек за секунду может стать своей полной противоположностью.

- Старшая, а кто с тобой?

Меня вырывает из раздумий робкий вопрос девчушки лет восьми, похожей на плитку молочного шоколада. Копна мелко вьющихся черных волос схвачена в хвост, под которым вот-вот надорвется резинка. Глаза чернящие и большущие на аккуратном личике.

Старшая кладет ей руку на плечо, вновь завладевая ее вниманием.

- Пока рано, Медвежонок. Его еще не назвали.

Детишки вдруг смущаются и несколько секунд растерянно переглядываются. Потом кто-то из них снова заводит историю, и вся группка постепенно возвращается к своему увлекательному занятию, напрочь забывая обо мне.

Пока меня можно назвать только Пустым Местом, – с обидой думаю я и считаю минуты до момента, когда мелюзга отлипнет-таки от Старшей и отправится по своим делам. Почему с ними нет воспитателя, уже не спрашиваю, опасаясь получить едкое замечание не от одной только Старшей, а от всей этой компании.

Дети все не уходят, но я скриплю зубами и продолжаю ждать. Зачем, спрашивается? Сам не знаю! Вроде, мог бы дойти до корпуса и там обустроиться, но ноги будто приросли к плитке. Есть у меня такая мерзкая привычка: попадая в новое место, если нахожу человека, с которым хоть мельком знаком, первое время хожу за ним, как приклеенный. Злость берет от такого ребячества, а сделать с этим ничего не получается.

Стая мальков-прилипал вдруг срывается с места и рассеивается, как дым, ураганом набросившись на детскую площадку. Площадка оживает, впитывая восторженные вскрики, смех и дух игры – и вот уже не кажется такой обветшалой. Удивительные метаморфозы!

– Ты еще здесь? – спрашивает Старшая, оборачиваясь ко мне. Голос у нее снова хриплый и суровый, а глаза разочарованные.

– Мы договорились вместе идти, – отвечаю я. – А я слов на ветер не бросаю. Выполняю то, что обещал.

Старшая скептически кривит лицо и хихикает.

– Вообще-то, ты ничего мне не обещал.

– А я *себе* пообещал, – хмурюсь я. – А если пообещал, надо исполнять. Такой язык тебе, кажется, должен быть понятен. – Бросаю Старшей ее же фразу, вкладывая в нее целый комочек колючек. Интересно, она хоть помнит, что говорила мне такое?

Видимо, помнит, потому что лицо ее на миг становится растерянным.

– Ну, раз так, идем выполнять твое обещание и заканчивать мою задачу, – говорит она и впервые за эту короткую, но очень красочную встречу улыбается мне.

Глава 3. Истинное дитя этого места

СТАРШАЯ

Старшая любила долгие прогулки. От них приятно гудели ноги, а сладостные минуты раздумий щемили тягучей тоской сердце. Она любила осень и любила, когда сыро – в сырую погоду, если как следует нагуляться, становится по-особенному тепло, будто от тела вот-вот пойдет пар на прохладном воздухе. Старшая любила забирать волосы в хвост, потому что длинные они ей мешали, но совсем не хотела делать короткую стрижку. Любила старую поношенную свободную одежду и удобные кеды, в которых можно долго гулять. Ей нравился шелест листьев, а из птичьих голосов ее сильнее всего завораживало воронье карканье, отбивающее свой едва-уловимый языческий ритм. Она любила выслеживать в перелесках следы животных и идти по ним до самого забора, окружающего интернат, или до болота, далеко за Казармой. Интернат она тоже любила – его уютное запустенье, пыль по углам, трещины в потолке и лабиринты старых лестниц; его неприметное, ничем не выдающееся название, ленивых комендантов и скрипучие кровати; несмазанные петли дверей и ржавчину на заборах, треснувший кафель столовой и столы с зазубринами; надписи на стенах туалета и стоны крыш на сильном ветру; накрахмаленные одеяла с синими метками и сбивающиеся в блинчики, кашляющие перьями подушки; сонливый туман по утрам и таинственные вечерние сумерки.

Старшая любила собирать по территории найденные окурки и тихо ворчать во время этого занятия. Любила приходить к корпусу малышей и ловить их в объятья, когда те бежали к ней с площадки. Ее вдохновляла ответственность и не пугали связанные с ней дела. К ней липли чужие просьбы и опасения, зато не липли клички. Только малышам удалось дать ей имя, с которым она сумела вступить в симбиоз. Возможно, это и не лучшая кличка в интернате, но она единственная наиболее полно отражала все то, чем была Старшая.

Она любила уединение. Часто выбираясь за большой ученический корпус, Старшая подолгу сидела одна на старом замшелом бревнышке, с упоением отдаваясь тонкой струящейся грусти, вспоминая поэмы Эдгара По и позволяя себе под них поплакать. Старшей нравилось рисовать палочками на траве языческие символы, значений которых она не знала, и нравилось представлять себя сильной, способной справиться с любой напастью, хотя это было и не так. Она любила смотреться в зеркало и тренировать строгий взгляд. Ей нравилось, что многие здешние обитатели побаиваются ее куда сильнее, чем учителей и воспитателей. Она гордилась тем, что ни разу не попадала в Казарму, и гордилась своим глубоким пониманием этого места. Тех, кто мог бы разделить с нею это знание, уже здесь не было, а Старшая – оставалась и чувствовала себя незаменимой частью интерната и его жизни.

Она любила кухонные запахи, доносящиеся из столовой по утрам – особенно запах рыбных палочек и картофельного пюре. А по вечерам она сходила с ума от нетерпения, чувствуя, как все из той же столовой пахнет свежими булочками. Ей нравилось тайком пробираться за прилавки, с бешено колотящимся сердцем утаскивать еще горячую булочку с подноса и съесть ее за корпусом под осуждающий шелест ветра. Почему-то ворованная всегда была вкуснее. Эта булочка – едва ли не единственное, что Старшая позволяла себе из слабостей. Ко всем другим своим слабостям она была беспощадна.

Ее никогда не отправляли в Казарму – Старшая сама гоняла себя до седьмого пота, вставая с рассветом и оббегая огромную территорию интерната по периметру, тренируясь, пока не откроется второе дыхание. Она понимала правила и принимала их – истинное дитя этого места.

А еще Старшая помогала другим.

Ей часто бывало одиноко среди этих других: она не разделяла коллективных страхов и редко участвовала в тайных ночных сборах. А даже когда участвовала, не чувствовала себя с остальными единым целым. В своих развлечениях Старшая всегда была предоставлена сама себе, и иногда она плакала от этого чуть дольше. Очень редко. Когда не считала слезы слабостью, а находила им уважительную причину, которой никогда не служила усталость.

Старшая мало спала и часто выходила по ночам, прислушиваясь к разговорам в комнатах за закрытыми дверями. Когда кто-то описывал сны, она замирала и вся обращалась в слух, чтобы не пропустить чей-то сон-бродун. Старшая любила улавливать их и готовиться к худшему, хотя она терпеть не могла невозможность взять все под контроль. Она ненавидела это почти так же сильно, как не доведенные до конца задачи.

А еще Старшая недолюбливала дотошных почемучек своего возраста, каким ей показался сегодняшний новичок. Его критический взгляд, направленный на все, что она здесь любила, раздражал. Его вопросы нервировали – так и хотелось пнуть его обратно за ворота и пусть катится на шоссе. Может, так будет лучше?

Ведя новичка к ученическому корпусу, Старшая втайне надеялась, что он от нее попросту сбежит и навсегда скроется из интерната. Но новичок не сбегал, а продолжал покорно следовать за ней, несмотря на все ее попытки внушить ему желание улизнуть отсюда.

Так Старшая довела новичка до ученического корпуса и сказала Горгоне – комендантше с безумной прической Эйнштейна, – что сама отведет его на этаж. Горгона лениво наклонила голову в ответ, чиркнула что-то в старом журнале и продолжила читать потрепанную книжонку о любви, толком не видя текста подслеповатыми глазками.

Длинные коридоры и пыльные лестницы привели Старшую и новичка на третий этаж в крыло мальчишек. Долго вспоминая, где посвободнее, Старшая вдруг остановилась и указала новичку на дверь.

– Что ж, добро пожаловать, – сказала она, радуясь, что, наконец, отделается от этого неприятного типа.

Новичок тупо уставился на дверь перед собой.

На белой облупившейся краске висел кривоватый номерок «36».

Глава 4. К вам новенький

НОВИЧОК

Белая дверь и покосившееся число «36» взирают на меня с мрачной торжественностью, и вот... дорога, только что казавшаяся такой долгой, сжимается до нескольких минут, упираясь в тревожное будущее.

– Что ж, добро пожаловать, – бросает мне Старшая с явным облегчением. Видно, ей не терпится от меня отделаться.

Стою в растерянности и пялюсь в дверь. Старшая тем временем поворачивается на пятках и пружинит прочь, норовя раствориться в полумраке коридора.

– Эй, стой! – зачем-то кричу я. Старшая оборачивается, даже не пытаясь скрыть свое недовольство.

– Ну чего тебе еще? У меня свои дела есть, – торопит она.

Я не знаю, чего хочу от нее добиться. Судя по тому, что я уже успел здесь увидеть, помощи новичкам в ориентировке никто не оказывает. Комендантша с безумной прической на мое появление не среагировала, в кабинет администратора или директора меня никто не вызвал, даже белья постельного не выдали. Как можешь – так и добывай себе здесь средства к существованию. По-хорошему, мог бы уже это понять, но я торможу Старшую, нехотя признаваясь себе, что мне страшно входить в эту комнату без провожатого. Что я скажу ее обитателям? Поздороваться и заявлю, что буду тут жить? Вот так просто?

– Мне, что, просто входить, выбирать кровать и... все?

Старшая глубоко вздыхает.

– Кошмар какой-то! Ну что ты, как маленький? Даже хуже! – всплескивает руками она и шагает к двери. Беспремонно хватается за шарообразную ручку и поворачивает ее, совершенно не боясь разбудить здешних обитателей. То, что она вот так запросто врывается в комнату парней, ее тоже не смущает. – Эй, тридцать шестая! К вам новенький! Принимайте!

Комната №36 недовольно стонет и машет крыльями одеял.

– Старшая, – протяжно хрипит кто-то, – рано же еще. Ты чего пришла?

– Ыыыыаааа, – зевает другой комок одеяла.

– Кого принесло с утра? – недовольно бурчит еще один голос.

Последний обитатель комнаты молчит и, похоже, даже не просыпается.

Я осматриваюсь.

Восемь кроватей, занято всего четыре. Остальные четыре приветствуют меня пирамидками подушек на фундаменте одеял и накрахмаленными комплектами постельного белья, уложенного в хрустящие стопки. Стены цвета теста, пол, как в спортзале, кровати с железными пружинами и на колесиках – скрипучие и провисающие. Из-под них выглядывают разбросанные повсюду ботинки, тапочки, носки и прочий хлам. Металлические изголовья оплетают ветви мятых штанов и футболок. На подоконнике таится старенький магнитофон, на двух столах, разнесенных по разным сторонам комнаты, разбросаны какие-то книжки, на тумбочке стоит выключенный ночник. Почему-то от этой комнаты у меня возникает стойкое впечатление, как от больничной палаты, хотя на больницу здесь ничто не намекает.

От осмотра меня отрывает голос Старшей.

– Я бы и рада вам не мешать, сони, но вашему новичку оказался нужен провожатый.

В ответ ее удостаивают только очередного зевка. Дальше повисает тишина. Никто из обитателей тридцать шестой даже не глядит в мою сторону: сон для каждого из них в разы интересней. Когда Старшая рассказала мне при встрече, что в первый день со мной даже не заговорят, я отчего-то разделил ее слова на три и подумал, что встречу сухое приветствие и неловкие рассказы о том, как здесь все устроено. Мне казалось, только Старшая изображает из себя занятую и просто не хочет тратить время на новичка, а выходит, все наоборот, и в этом неотзывчивом интернате только ей до меня дело и было.

– Занимай свободную кровать, располагайся и учись самостоятельности, – нарушает тишину моя неприятная, но благородная провожатая. – Это будет тебе особенно полезно.

И уходит, одаривая меня напоследок едкой, нарочито сладкой улыбочкой, открывающей маленькие зубки.

Я остаюсь в комнате №36 один. То есть, не один, конечно. Просто в окружении четырех одеяльных коконов моих соседей чувствую я себя именно так. По правде говоря, мне сложно понять, почему старожилы тридцать шестой не испытывают ко мне никакого интереса. Нет, герольда и фанфар с организованным балом мне, конечно, не надо, но хотя бы «привет» не помешал бы. А тридцать шестая окуклилась и продолжает спать, будто меня и вовсе тут нет.

Из немого оцепенения меня выводит чье-то самозабвенное сопение с легким причмокиванием. Мне вдруг становится обидно, завидно, тоскливо... и как-то дико. Я понимаю, что, еще не зная в лицо ни одного из своих соседей, я заранее на них злюсь. Странные дети в странном месте с его странными обычаями! Чтоб им тут всем...

Останавливаюсь на полумысли и вздыхаю. Толку с этой злости? Делать-то все равно нечего. Если я хочу здесь выжить, придется принимать правила игры и следовать им. Иначе опасения, которые накрывали меня еще в машине, сбудутся.

Понуриив голову, шагаю к кровати – второй от окна – и решительно кидаю сумку с вещами на тоскливый выпцветший матрас. Впереди у меня бой не на жизнь, а на смерть с пододеяльником под военный оркестр скрипучих пружин. Как знать, может от моей возни кто-то соизволит проснуться и познакомиться с будущим соседом?

Глава 5. Это Казарма, малыш

НОВИЧОК

От моих манипуляций с постельным бельем никто из обитателей тридцать шестой не соблаговоляет ни проснуться, ни даже пошевелиться. Крепости сна этих ребят можно только позавидовать – не очнутся, хоть из пушки перед ними стреляй.

Сажусь на кровать, нарочно громко скриплю пружинами.

Никакой реакции. Окликать будущих соседей я то ли не хочу, то ли побаиваюсь. В конце концов, может, это игнорирование – действительно испытание новичка? Поэтому с тоскливым вздохом я снова выхожу из ученического корпуса никем не замеченным призраком. Странное дело: быстрая пробежка по старым лестницам в компании Старшей будто отпечатала во мне карту, поэтому дорогу назад по витиеватым пыльным переходам я нахожу без труда.

Комендантша остается безучастной к моим путешествиям – ей явно до меня дела нет. Администрации интерната, по-видимому, тоже. Я злюсь, потому что для меня такое поведение лишний раз подчеркивает ощущение ненужности, которое испытывает каждый второй скиталец интернатов, отосланный родителями в этот неприветливый микрокосм.

Там тебе будет лучше.

Это обеспечивает хорошее будущее и учит самостоятельности.

Такой опыт пригодится во взрослой жизни, потом спасибо скажешь.

Там потрясающая программа. А еще кормежка три раза в день!

Мы обязательно будем приезжать.

Эти сказки стары, как мир, но результат у них, как правило, одинаковый: избавление от проблемы, которую два человека в какой-то момент сами решили себе завести. Маразм, да и только.

Обида разгорается так сильно, что меня чуть не тошнит.

Вздыхаю и стараюсь переключиться. Крыльцо ученического корпуса встречает меня прохладным порывом ветра, которому удастся немного остудить и даже выдуть противные мысли из моей головы. Он заключает меня в нежные и заботливые прозрачные объятия, не осуждая за чувства и понимая мою злость. Я позволяю себе несколько минут постоять с закрытыми глазами и поднятой к серому небу головой.

А ветерок тут, надо сказать, даже приятный.

Мне становится стыдно за поспешные суждения об интернате. Может, я зря так резко на все реагирую?

На всякий случай озираюсь по сторонам, ища глазами каких-нибудь жаворонков вроде Старшей, в надежде попытаться счастье вновь и установить с кем-то контакт. Попытка явно не удастся: вокруг ни души. Удивительная тишина в месте, где обитает не один десяток детей! Впрочем, может, я все же сумею найти кого-то из старожилов, если как следует осмотрюсь?

Ноги относят меня прочь от большого ученического корпуса в сторону, где я еще не был. Разум подсказывает, что мне бы не уходить далеко: наверняка скоро должны начаться уроки. Но я решаю поступить с уроками, как администрация – со мной. Просто забыть о них! К тому же мне что-то подсказывает, что, даже если я пропущу занятия, меня вряд ли кто-то хватится.

Быстро миную невидимый барьер, будто отсекающий границу перелеска, и из своего укрытия мне показывается очередное здание: прямо напротив бирюзовой развалюхи, прозванной корпусом воспитателей. Этот дом больше похож на серый куб, испещренный потеками тоскливой краски. Два этажа, два ряда глаз-окон с томными ресницами оконных цветов – настолько похожих, что не отличить! Создается впечатление, что в комнатах этого дома одинаковое *всё* – от душной старой мебелировки до нижнего белья обитателей.

Меня передергивает, и на кубовидную серую тюрьму я стараюсь больше не смотреть. Тем более что мое внимание привлекает игриво выглядывающий торец другого дома – еще одного рудимента цивилизации, брошенного посреди лесисто-болотистого царства. Этот дом длиннее предыдущего и выглядит массивным, но вид у него... какой-то неуместный. К другим зданиям на территории интерната ведут отрезки дорожковой ленты, к этому – нет. Его светло-серые стены кажутся поблекшими, словно пытаются постепенно выцвести до прозрачности и раствориться в пространстве, обратившись во влажный тяжелый туман. По бетонному крыльцу тянется глубокая трещина, похожая на молнию. Перила покошены, атакованы ржавчиной и отчаянно нуждаются в покраске. На вызывающе заросшем газоне к дому протоптана тропа. Широкая, примятая ниже плиточной дорожки многочисленными хождениями, она тянется к основной артерии интерната, которая будто нарочно рядом с исчезающим корпусом круто изгибается вправо.

Оттуда, справа, до меня доносится какой-то шум: эхо чьих-то выкриков и еще какие-то звуки, которые я толком не могу разобрать. Любой звук здесь будто теряет плавучесть и уходит в самые недра интерната. Тем не менее, я примерно определяю цель и иду к источнику шума, отрываясь от изучения бледнеющего дома.

Путь до источника звука кажется невыносимо долгим, даже правая нога от колена начинает противно ныть. Интересно, с чего бы? Давно пешком не ходил?

Утяжеляю походку, стараясь не прихрамывать, но вскоре, несмотря на желание разработать занывшую ногу, замираю, потому что изгибы дорожки приводят меня к новому корпусу, в сравнении с которым остальные здания здесь кажутся просто обителью уюта! Передо мной – темно-коричневая коробка с разверстой пастью входной двери. На окнах этого мрачного трехэтажного безумия стоят ряды толстых решеточных прутьев, за которыми таится темнота.

Невольно делаю шаг назад, разинув рот, и медленно перевожу взгляд на источник шума.

Прямо на территории интерната передо мной материализуется кусочек армии. И, если честно, я понятия не имею, как на это реагировать. Посреди ровной асфальтовой площадки размерами с большой спортивный зал стоит мужчина в футболке и штанах камуфляжной расцветки. А по периметру площадки бегают дети. Среди них есть мои ровесники, а есть и помладше. Разные, как толпа детишек, облепивших Старшую у корпуса младшеклассников – со всем многообразием роста, комплекции, формы лица, разреза глаз и цвета кожи. Объединяет их только одно: все они выглядят так, будто сейчас упадут замертво, но извергу в камуфляже на это наплевать. Его палец вечно на кого-то указывает, а вслед за этим изо рта вылетают резкие выстрелы команд:

– Ты! А ну, не отставать! Не плестись в хвосте, поднажми! Ты! Сорок отжиманий на плацу сейчас же! Ты – на следующий круг! Не сбавляем темп, не сбавляем!

Я таращусь на это зверство в ужасе. Что бы ни натворили эти бедняги, гонять их по плацу до смерти, да еще и ни свет ни заря – это слишком жестоко. Тут плохо каждому первому, неужели этот изверг не видит?

– Эй! – долетает до меня выкрик, и я даже не сразу соображаю, что он мой собственный.

От содеянного у меня немеет язык, а вся кровь, кажется, уходит к ногам, которые готовы припуститься отсюда, что есть сил. Человек на плацу реагирует сразу же и сурово впляется в меня взглядом-тесаком, будто срывающим с меня кожу и пересчитывающим кости. Мне хочется сбежать прямо сейчас, но я обреченно понимаю, что не могу. Совесть не позволит

сдвинуться с места под измученными взглядами целой толпы учеников. И раз уж что-то меня дернуло выступить поборником справедливости, надо идти до конца, иначе совсем идиотизм получится.

Увязая в мутной трясине страха и делаю шаг к Изуверу, надеясь не хромать на так некстати разнывшуюся ногу.

– Вы чего творите? – возмущаюсь я, стремясь вложить в свой голос как можно больше праведного гнева. Повезет, если действительно праведного. Набираюсь гонора, какого, кажется, никогда не имел, вздергиваю подбородок и упираю руки в боки для пущей убедительности. – Я с вами разговариваю! Вы меня, что, не слышите?

Изувер смотрит на меня очень внимательно, и я все больше начинаю понимать, что конкретно влип. Но страх и удивленные голодные взгляды мучеников прибавляют мне дури, и я выпаливаю:

– На вопрос отвечать будете, или я со стенкой разговариваю?

Изувер склоняет голову набок, изучая меня уже с интересом. На его губах появляется легкая ухмылка, прикрытая бородой.

– Это урок физподготовки, малыш, – говорит он, словно эта реплика вполне тянет на исчерпывающее объяснение.

На «малыша» приходится закрыть глаза. Если вспылю или опровергну – плакала моя хваленая доблесть. Поэтому хмурюсь и качаю головой.

– Физподготовка? У вас ученики чуть не падают! Это пытка уже, а не физподготовка! Вы куда их так готовите, к вселенскому марафону, что ли?

Изувер усмехается, а я продолжаю:

– Администрация школы не может такого допускать! И куда она смотрит? Если вы сейчас же не прекратите, я о вас сообщу! И вас уволят, вам понятно?

Изувер снова долго на меня смотрит, будто пытается понять, что я такое. Затем делает ко мне еще несколько шагов и нависает надо мной угрожающей скалой. От его вида меня тянет съежиться, но я нарочно выпрямляюсь и гляжу на него настолько решительно, насколько это возможно.

– Ты новенький, да? – спрашивает Изувер удивительно тихо.

– А «стареньких», что, уже всех запугали? – бросаю я в ответ.

Изувера, похоже забавляют мои выпады, у него это написано на лице, как написано и то, что на тявканье мелкого щенка, вроде меня, он даже не будет тратить свою природную грозность.

– Это Казарма, малыш, – отвечает он. – Она *предназначена* для таких занятий. Здесь у нас помогают преодолеть трудные периоды.

– Какие еще периоды? – Мой голос блекнет и почти затухает от сквозящей угрозы в глазах мучителя-тренера.

– Если повезет, не узнаешь. – В голосе Изувера клубком гадюк переплетается воспитательское дружелюбие и угроза бывалого вояки. – А теперь, будь добр, иди, обустройся и не прерывай занятие. Ты сам-то как? Ничего не болит? Может, тебе тоже пора на плац?

На губах Изувера появляется улыбка, от которой хочется кричать. При этом я даже боковым зрением ловлю на себе взгляды измотанных учеников и сжимаю кулаки, готовясь выместить на этом уроде всю злость, что во мне скопилась: на водителя черной машины, на Старшую, на комнату 36 и бог весть на кого еще.

– Дайте. Им. Отдохнуть, – строго чеканю я. – Хотя бы отдохнуть. Иначе я создам вам кучу проблем, и вы от них не отвертитесь, ясно?

То, чем я руководствуюсь, – это не смелость и даже не нор, а, скорее, последний «банзай» камикадзе. Решительно пялясь в бородатое, изрытое оспинами лицо, я вовсе не уверен, что смогу доставить неприятности кому-то, кроме себя самого. Но что еще мне говорить?

«Простите-извините»? А потом уползать, поджав хвост? От одной мысли об этом начинает мутить, поэтому сейчас я готов стоять на своем, даже если придется получить пару тумачков, а потом идти зализывать раны.

Изувер снова смотрит с усмешкой, затем вздыхает и оборачивается к ученикам.

– Десять минут отдыха! – кричит он тоном благодетеля. – Иначе ваш спасатель совсем разнервничается. – Изувер смеется, а ученикам, похоже, не до смеха. В направленных на меня взглядах я ловлю пусть и тоскливую, но благодарность. Конечно, у меня не получилось бы прекратить этот ужас. Кто я, в конце концов, такой, чтобы меня слушали? Изувер, похоже, и на десятиминутный перерыв-то согласился, только потому что оценил мой истерический героизм. Уверен, если б я перед ним стушевался, то уже наматывал бы круги вместе с учениками-мучениками.

– Шел бы ты отсюда, малыш, – невыносимо снисходительно напутствует Изувер. – Прогуляйся, проветришься, воздухом подыши. – На следующих словах его голос предупреждающе опускается и затихает: – И учти, в следующий раз я тебе с репутацией помогать не буду, усек?

Я громко выдыхаю, но нахожу в себе силы проигнорировать мрачный взгляд Изувера и направляюсь к тропинке.

– Эй, малыш! – окликает меня он. Я поджимаю плечи, но все же оборачиваюсь, не понимая, почему испытываю смесь тревоги и стыда. – Увидишь беглеца, отправь его обратно. Иначе хуже будет всем, поверь.

Я снова не отвечаю и спешу прочь отсюда дальше по дорожке. О ноге я забываю, ее успевает как-то незаметно отпустить. Про какого беглеца говорил Изувер, я не понимаю. Мысли мои занимает другое: хоть бы моей будущей кличкой не стало «Малыш».

Глава 6. Пудель

НОВИЧОК

Темно-коричневая тюрьма строго режима остается позади, и я заставляю себя сбавить шаг. Ноги почти не гнутся, в животе ворочается противная муть, руки дрожат, я едва могу дышать и, кажется, сейчас разрыдаюсь. Едва минувшее злосудное заключение, в которое я ввязался по собственной воле, всплывает в голове медленно, покадрово, как слайды диафильма.

Нет! Хватит об этом думать! – стараюсь приказать себе, но память отказывается слушаться и продолжает подбрасывать мне картинку за картинкой. Ухмылку Изувера, его угрожающе нависшую надо мной фигуру, непонятные объяснения и сопровождающие все это взгляды учеников, отчаянно смердящие надеждой, что я, – раз вмешался, – смогу им помочь.

Меня снова захлестывает злость, а из горла протискивается наружу бессильный всхлип. Глупо-глупо-глупо! Как же глупо! На что я рассчитывал? Что Изувер испугается моих угроз, раскается и всех отпустит? Он не похож на человека, которого может запугать ученик, даже если этот ученик отличается крутостью нрава и габаритов, а я не отличаюсь ни тем, ни другим.

Прокручивая в голове нашу до ужаса нелепую стычку, я невольно делаю о себе тот же вывод, что недавно озвучила Старшая: *а я думала, ты совсем не соображаешь*. Должно быть, действительно не соображаю. Ей-богу, надерзить водителю, поставить на место Старшую или, в конце концов, растолкать сонь тридцать шестой – все это имело бы больше смысла, чем то, что я попытался сделать. Надо же, герой сыскался! Набрался дури и попер на соперника явно не своей весовой категории. А теперь мне его, выходит, даже поблагодарить нужно за то, что не поднял меня на смех перед другими учениками. Уверен, при желании, он мог бы это сделать, не прилагая особых усилий.

Плиточный кровоток растрескавшейся дорожки продолжает нести меня по территории интерната, делая еще несколько изгибов и демонстрируя безлюдное лоно природы, но вскоре по правую руку от меня из кустистых зарослей вырастает еще пара зданий, напоминающих продовольственные амбары. Внутри них вижу копошение синих комбинезонов, но снаружи никого нет. Почти незримое присутствие рабочих почему-то придает мне бодрости, я глубоко вздыхаю, шаг становится увереннее и шире.

Дорожка тем временем уводит меня влево, и по обе стороны от нее начинают все чаще возникать деревья, которые постепенно превращаются в очередной перелесок. На пару минут я замираю перед ним, размышляя, стоит ли погружаться туда. А если потеряюсь? Никто, кроме Старшей, и о приходе-то моем не знает. Может статься, что, если заблужусь, меня и не найдут.

Страх делает мне несколько неприятных уколов, но я оттесняю его логичным решением: с дорожки сходить не буду. Если она кончится, сразу развернусь и пойду назад.

Под аккомпанемент вороньей переключки я движусь по лесистой территории минут пять, а затем замечаю небольшую полянку у маленького водоемчика, поросшего ряской и камышами. Но внимание мое привлекает даже не это, а щуплая курчавая мальчишеская фигура в потертой джинсовке, сидящая ко мне спиной на поваленном стволе дерева. Фигура неподвижна. Отсюда не разглядеть даже дыхания, и от этого становится не по себе. Меня тянет попятиться, быстро развернуться и убежать, но я, как назло, замираю и очень громко дышу, позволяя холодному страху запустить свои щупальца в мои внутренности.

Иногда действия людей сковывают куда меньше, чем их бездействие. Вокруг решительно совершающих поступки людей время течет и изменяется пластичной материей, увлекая за

собой зрителя и разрывая кандалы его смятения. В статике время маскируется под лед и замораживает все вокруг, а ты не смеешь пошевелиться, потому что боишься, что любым движением можешь что-то разрушить.

Воображение начинает рисовать какие-то ужасы, от которых отмахаться даже сложнее, чем от былой злости. Я чувствую, как безвольно погружаюсь в них с каждым ударом своего сердца.

Голова фигуры в джинсовой куртке тем временем поднимается – видимо, среагировав на мое дыхание, – и поворачивается.

Я готовлюсь вскрикнуть, но в последний момент понимаю, что причин кричать нет. На меня смотрит смугловатое лицо мальчишки примерно моего возраста. Волосы у него сильно выются и смешно топорщатся в разные стороны, глаза кажутся сонными, лицо худое, руки тощие.

– Привет, – говорит он.

– П-привет, – заикаясь, отзываюсь я, беру себя в руки и подхожу поближе.

– Майор прислал? – тоскливо спрашивает парнишка, снова отворачиваясь. Голос приобретает уставшую воинственность. – Учти, если ты за мной, тащить придется на себе. Сам не пойду, даже не надейся.

Я удивленно приподнимаю брови. *Майор? Тащить?* С чего этот парень вообще взял, что я пришел за ним?

В памяти тут же всплывают слова тренера на плацу, и я вдруг понимаю, о каком беглеце он меня предупреждал.

– Я тебя тут раньше не видел, – говорит паренек.

Подхожу и неуверенно встаю рядом. На упавшее дерево пока не сажусь: почему-то мне это кажется невежливым, как будто поваленное дерево – хозяйская территория, а я тут гость.

– Меня только привезли, – отвечаю я, пожимая плечами. – Так что я новичок.

Парень вздыхает.

– Понятно, – протягивает он.

Я улыбаюсь, у меня на душе немного теплеет. После экскурсии Старшей и отсутствующего приема в комнате 36 мне приятно вести простой разговор без угроз, нотаций и подколов.

– Можно мне сесть? – спрашиваю.

– Можно. – Парень улыбается, не глядя на меня, а я замечаю, что усталым кажется не только его голос и взгляд, а весь мой новый знакомец. Приглядываюсь. На смуглом лице бледность странным образом кажется серой, как будто передо мной не человек, а плохо раскрашенная черно-белая фотография. – Так, значит, ты не за мной пришел?

Я передергиваю плечами.

– Ну... – начинаю неловко, – вообще-то, я проходил мимо плаца с учениками. И у нас с бородатым тренером – ты его, кажется, назвал Майором, – была небольшая... стычка. Вроде того.

Паренек поворачивается ко мне и удивленно распахивает глаза.

– Стычка? Ты поцапался с Майором в день приезда? – Он оценивающе хмыкает. – Сильно. Он тебя, что, заставлял выйти на плац?

– Да нет, – отвечаю я. – Мне просто его тренировки показались какими-то чересчур жесткими. – Продолжаю совсем уж нехотя: – Ну и что-то меня дернуло начать грозить ему администрацией школы, хотя я и директора-то еще не видел. Не знаю, глупо вышло.

Мальчишка пару секунд таращится на меня, будто пытается понять, вру я или нет. По моей скукуруженной роже понимает, что не вру, впечатляется и залиvisto смеется.

– Ну ты даешь! – снова тягуче говорит он. – Казарма тебя за такое точно запомнит. Истории по всей школе разнесется, вот увидишь.

У меня напрягаются плечи. Только этого мне не хватало! Наверняка тогда меня точно начнут называть малышом с подачи этого Майора. Настроение у меня начинает портиться, и, наверное, у меня это написано на лице, потому что мой собеседник решает побыстрее сменить тему и выпаливает:

– Пудель.

Трясу головой и хмурюсь. Он, что, тоже решил меня задирать?

– Чего? – готовлюсь ответить грубостью на грубость, но дружелюбная улыбка и протянутая тощая рука меня обезоруживают и заставляют вовремя замолчать.

– Кличка моя. Ты ж, наверное, не в курсе, что тут у всех клички?

– В курсе, – лениво отвечаю я, пожимая парню руку. Его ладонь кажется почти невесомой, будто сделана из тонкого стекла. Я опасаюсь невольно навредить ему и поспешно заканчиваю рукопожатие. – Мне рассказала девчонка по прозвищу Старшая. Может, знаешь ее?

Пудель убирает руку. По его виду понятно, что он впечатлен.

– Уже виделся со Старшей? А ты быстро осваиваешься.

– Она здесь, что, знаменитость?

– Нет, – задумчиво отвечает Пудель. – Просто... ну, знаешь, активничает.

– Ты хотел сказать, важничает? – усмехаюсь я.

– Ну, бывает, – неуютно морщится Пудель. Вижу, что ему не нравится недовольство, сквозящее в моих высказываниях. Учítывая, что это первый, с кем мне удастся минуты две общаться без подколов, я решаю сбавить обороты.

– Она у ворот была, когда я приехал. Провела мне небольшую экскурсию. Но в основном отчитывала, – признаюсь я. – Наверное, я просто от этого еще не отошел. Бесят нравоучения.

Пудель расплывается в сочувствующей улыбке.

– Отчитывать она может, – кивает он. – Но ты на нее не сердись, она хорошая девчонка. Правда.

Я улыбаюсь, предпочитая не спорить. Неловкое молчание грозит нависнуть над нами, и я спрашиваю первое, что приходит мне в голову:

– А почему «Пудель»?

Тут же думаю, что парень может и обидеться на такой вопрос, но опасность минует. Мой собеседник простодушно улыбается и показывает на свои волосы.

– Из-за них так прозвали. Сначала было обидно, потом привык. Бывает и хуже. – Он разводит руками. – А ты, наверное, еще в безымянниках ходишь?

Я киваю, трепеща от страха перед будущей кличкой.

– Можешь пока называть Новичком, – говорю. – А дальше, если что, заново познакомимся.

Пудель соглашается. По правде говоря, называть кого-то «пуделем» мне немного неловко. Тот, кто дал человеку собачье прозвище, на мой взгляд, был тем еще гадом. Но выбирать не приходится: тут ведь даже преподавателей называют по кличкам, судя по всему.

Пауза в нашем разговоре тем временем все же растягивается, втаскивая за собой неловкую тишину, нарушаемую лишь редким кваканьем лягушек. Я откашливаюсь и киваю.

– Так вот, мы с Майором когда столкнулись, он мне сказал, что, если тебя увижу, чтобы вернул в эту... как ее... Казарму. Почему-то сказал, что иначе всем будет хуже. – Морщусь от воспоминания об угрожающем бородатом лице. – Но я не горю желанием кого-то туда возвращать. Мог бы, всех бы оттуда разогнал по комнатам! Что это за корпус такой жуткий – Казарма? За что тебя туда отправили?

Пудель мрачнеет.

– Это дисциплинарный корпус. Там приводят в тонус, если у кого-то трудный период, – тягуче говорит он. Моя речь по сравнению с его гораздо резче и отрывистее. Послушать нас со стороны, так сложится впечатление, что я его допрашиваю, а он боится попасться на вранье.

– Трудный период, – задумчиво повторяю я. – Майор тоже об этом упоминал. Что за период?

– Когда трудно, – пожимает плечами Пудель. – Когда с кровати встать не можешь или на уроках засыпаешь. Когда сил нет. Директор говорит, что в таких случаях ученики сами должны напрашиваться в Казарму, чтобы их там гоняли. Но в Казарму никому не хочется, там страшно, – морщится Пудель. Я его словам верю. За зарешеченными окнами кому угодно станет не по себе. А если еще и гоняют до седьмого пота...

Дикий какой-то интернат! В чем-то отношение к дисциплине совершенно безалаберное, а в чем-то тут прямо спартанские порядки. И все это вдали от цивилизации, даже пожаловаться на это некуда. Раз администрация такое пропагандирует, значит, директор в курсе всего и не препятствует... или не особо вникает. Есть ведь такие ленивые директора, для которых главное – кресло и статус. Наш, видимо, из таких.

– Поэтому Майор сам инспектирует и забирает, кого сочтет нужным. Или кто-то доносит: якобы беспокоится. – Пудель пожимает плечами. – На меня вот донесли.

– Соседи? – сочувственно спрашиваю я.

– Тридцать третья комната, – кивает Пудель. – В основном могут доносить любители Казармы. Вроде как, из благих побуждений. Некоторым там и правда нравится, потому что уроков нет. Ради этого они и по плацу побегать готовы. Таких, правда, отпускают оттуда быстро. А встречают их, как казарменных ветеранов.

Я киваю и мотаю на несуществующий ус. Стало быть, в Казарме побывать почетно, это уважается. Правда, такой способ зарабатывания авторитета меня не очень вдохновляет.

Пудель тем временем вздергивает курносый нос и отстраненно смотрит вдаль. Я замечаю, что у него глаза голубые, как у меня, только очень потускневшие и будто выцветшие, как от тяжелой болезни. Не понимаю, чем в таком состоянии может помочь изнуряющая тренировка!

– Кому-то нравится, а я не могу там, – честно признается Пудель. – Поэтому я туда не вернусь. Если опять погонят на плац, я прямо там и сдохну. Лучше уж по корпусу прятаться, чем вернуться туда.

Мне становится жалко этого паренька. Был бы я старожилом тридцать шестой, предложил бы перебраться к нам, дал бы слово, что спрячу его. Но я сам там еще на птичьих правах, поэтому возможности у меня нет.

– Может, стоит поговорить с директором? – осторожно предлагаю я.

Пудель смотрит на меня снисходительно, как на наивного простака.

– Не поможет, – печально замечает он. – Проще уж Холода дожидаться. Или... не знаю. – Пудель передергивает плечами, явно уходя в свои мысли. Голос у него становится совсем уж тоскливый, даже мне от него на душе как-то сереет.

Его замечаний про холод я не понимаю. Он, что, собрался прятаться до зимы? Зимой плац не работает?

Вопросов пока не задаю, потому что собеседник мой вдруг решает разговориться и поделиться историями про интернат. Я не верю своему счастью и на два часа погружаюсь в полезный ликбез. Пудель говорит о столовой, что прячется за деревьями с другой стороны от учебного корпуса. О странных уроках труда, на которых здесь учат даже сварке. О поварихе по кличке Кулебяка, что подкармливает забредающих на территорию кошек.

Лишний раз убеждаюсь, что Старшая здесь – известная личность и что она чуть ли не единственная любимица Майора, ни разу не попадавшая при этом в Казарму. Притом что Старшая не раз отправляла туда других учеников, относятся к ней здесь со странным уважением и без обид, хотя никто с ней близко и не дружит. Каким образом она «активничает», тоже не совсем ясно, но, видимо, она примелькалась здесь и создала определенную репутацию.

Пудель рассказывает о седовласом директоре Сверчке, прозванном так за «насекомью походку». Живет Сверчок, как оказалось, в «исчезающем корпусе», на котором где-то даже

можно найти табличку «Администрация». Дом с одинаковыми оконными цветами – пристанище педагогов. А единственный лазарет на территории располагается, как ни странно, в недрах Казармы, а не в отдельном доме.

Некоторые традиции интерната мне Пудель тоже раскрывает. Говорит, что с новенькими действительно редко разговаривают в первый день – впрочем, те тоже не очень стремятся. Только после того, как новичок проведет первую ночь в ученическом корпусе, с ним официально знакомятся, выдают ему кличку, а вскоре берут его с собой на вылазку в лес, к столовой. Вылазка обязательно происходит ночью, и во время нее разжигается костерок, вокруг которого соседи по комнате по очереди травят страшилки. Иногда посиделки устраивают и в комнатах, но только если что-то мешает выбраться на улицу. Посвящать новичков в комнаты не очень любят: дескать, без костра не то, даже если со страшилками.

Здесь не строго подходят к изучению математики, зато любят литературу и музыку. Многие ученики, оказывается, курят, а получение сигарет – целая схема сложных договоренностей с разнорабочими, которые иногда дают ученикам выполнить простое поручение, а сигаретами снабжают в знак похвалы. Откуда сигареты поступают к рабочим, непонятно, но, вероятно, у них каким-то образом налажена связь с внешним миром. Тех, кто зарабатывает сигареты для своей подопечной группы, называют «подмастерьями», и это не общая кличка на всех, а нечто вроде касты.

От обилия информации у меня голова идет кругом, но я старательно запоминаю все рассказанные детали, потому что чувствую: мало кто еще расщедрится на такие подробности.

Когда взгляд у меня становится совсем уж ошалелый, Пудель вдруг поворачивается ко мне и с уставшим, но заговорщицким прищуром спрашивает:

– А хочешь чаю? Я термос стащил. У меня в рюкзаке есть. И печенья еще.

Я сияю.

– Хочу! – отзываюсь. У самого-то ни крошки в животе еще не было, и сейчас я невольно об этом вспоминаю.

– Возьми в рюкзаке, будь другом, Новичок. – Он говорит это очень проникновенно, как будто доверяет мне нечто священное. Я делаю серьезную мину и киваю, настраиваясь на будущие приятельские отношения. Будет неплохо обзавестись другом на случай, если в тридцать шестой жизнь будет совсем не мила. Оглядываюсь и вижу рюкзак в отдалении, у самых камышей – зеленый, как трава, и разглядеть-то не сразу удастся.

Решительно поднимаюсь, отряхивая джинсы от отпечатка отсыревшего дерева, шуршу травой к рюкзаку. Наклоняюсь, раскрываю молнию, но никакого термоса не нахожу и печенья тоже.

Сдержанное бульканье долетает до меня не сразу. Поднимаю глаза и вижу, как Пудель шагает в мутной воде, быстро погружаясь в нее уже почти по бедра. Только что мирно сидел, и вдруг...

– Эй! Ты чего? – в ужасе таращусь на него я. Мне совсем не хочется думать, что повлекло его в это болото.

Изможденный паренек, растерявший всю свою деланную непринужденность, будто позабыл о моем существовании. Кряхтит и идет дальше – очень решительно, хотя каждый шаг ему дается с явным трудом.

– Стой! Ты чего делаешь? – кричу я, подбегая к кромке воды, бросив дурацкий рюкзак на землю. – Вернись! Не надо!

В голове у меня стучит, шелест листвы шепотом отдается в ушах, внутри нарастает паника. Я понимаю, что если сейчас ничего не сделать, то *хуже будет всем*. Но болото меня пугает, и я надеюсь все же докричаться до Пуделя и убедить его вернуться обратно.

Бульк... бульк...

Пудель делает еще шаг и вдруг с тихим стоном падает в воду, как подкошенный. Похоже, сознание потерял! Немудрено, он ведь был совсем измотан! Водная гладь скрывает его от меня.

– Э-э-э-э!!!! – истерически мычу я. Ноги сами несут меня в болото, вода быстро поднимается к щиколоткам, к коленям, к бедрам. По илистому дну идти непросто, даже когда сил достаточно. Я рычу от злости, понимая, что мне отчаянно не хватает прыти. Добравшись до Пуделя, что было сил тяну его наверх за курчавые волосы, уродливой старой губкой приподнявшиеся над водой после моих поисков. Глаза у Пуделя закрыты, лицо кажется теперь серовато-зеленым.

Не мог так быстро утонуть, ну не мог же!

Нагибаюсь и успеваю перехватить обмякшего паренька под плечи. Волоку его назад к берегу, надеясь не упасть, увязнув в иле. Вода в болоте ледяная, но я сейчас едва ли это чувствую: мне жарко от злости и страха.

Вытаскиваю Пуделя на берег, отпускаю, наклоняюсь над ним. Что делать дальше – не представляю. Наглotalся воды или нет? Зачем-то начинаю катать бедолагу по земле, будто надеясь растолкать. Несколько раз в процессе бью его кулаком в грудь, хотя боюсь сломать ему что-нибудь – таким он кажется хрупким. В какой-то момент Пудель кашляет, его тошнит водой, он открывает мутные глаза, хрипит что-то невнятное и снова отключается.

Становится тихо.

Легкий порыв ветерка пробирает меня до костей, и я обнимаю себя за плечи, пытаюсь согреться. Я насквозь мокрый, и понимаю, что так это оставлять нельзя. Надо что-то делать.

Громко бормоча ругательства, снова обхожу Пуделя и подхватываю его под плечи, надеясь выволочь на хоженую дорожку и добраться до кого-нибудь.

Какая же она длинная, эта тропинка! Перелесок, тянущий ко мне свои уродливые ветви, кажется бесконечным, как терновые заросли замка Спящей Красавицы, я пыхчу, пячусь, волоча под мышки отяжелевшего паренька, и периодически зову на помощь срывающимся голосом. Широкие безлюдные просторы, на которых можно пережить обиду, меня больше не радуют. Я продолжаю истошно орать, надеясь, что мои вопли все-таки привлекут хоть кого-то.

Синие комбинезоны разнорабочих попадают на глаза первыми. Я ору громче, и в какой-то момент меня слышат. Ко мне бегут трое.

Боковым зрением замечаю, как приближается еще одно пятно. Им оказывается Майор: каким-то образом ему удастся добежать до меня быстрее, чем рабочим.

А ведь Пудель в Казарму не хотел! Его так там измучили, что он готов был утонуть, лишь бы туда не возвращаться! – осеняет меня.

Я обессиленно сажусь рядом с Пуделем и пытаюсь прикрыть его собой. Когда Майор подлетает, я смотрю на него взглядом, полным искренней ненависти.

– Нет, не вы! – взвизгиваю я. – Он из-за вас это сделал! – Мой взгляд с мольбой обращается к подросевшим рабочим. – Не подпускайте его сюда! Это все из-за него, слышите?! Это он виноват!

Майор опускается на корточки и тянет руку к моему плечу. Я грубо отбиваю ее, меня охватывает ужас, что в лазарет Пуделя направят не куда-нибудь, а в треклятую Казарму.

– Не трогайте! – предупреждаю я.

Майор примирительно убирает руку.

– Послушай, малыш, все хорошо, – мягко говорит он. – Ты все правильно сделал. Мы поможем...

– Вас нельзя подпускать к ученикам! – упорствую я. – Это вы виноваты! Это из-за вас он...

Рабочие оттаскивают меня от Пуделя и хватают под руки. Майор тем временем поднимает тощего паренька на руки и смотрит на меня с невыносимым сочувствием.

– Его нужно переодеть в сухое. Отведите его в лазарет и пригласите директора, – дает он последние указания и удаляется прочь.

Я безуспешно бьюсь в руках рабочих, немых, как големы, понимая, что только что отдал вновь обретенного приятеля в руки его палача.

Глава 7. Ты знал?

НОВИЧОК

Следующие несколько часов проходят для меня, как в тумане. Меня приводят в Казарму, заводят в ее недра, которые я толком не рассматриваю, усаживают на кушетку в белую комнату, выдают какую-то одежду, приносят чаю, велят выпить. Я пью, не споря. Кажется, все это время почти не моргаю, если верить пересохшим глазам.

Входит женщина в белом переднике, приносит поесть какую-то кашу. Ем, не различая вкуса – чисто механически. Забирать посуду через какое-то время приходит уже другая женщина, но смотрит на меня с той же отвратительной жалостью, что и первая. У всех, кто попадаете мне на глаза, я справляюсь о состоянии паренька, который попытался совершить гребаное самоубийство в мой первый гребаный день в этом гребаном интернате. Ничего определенного мне не отвечают, только просят еще посидеть и подождать. И я сижу.

Время для меня будто останавливается, и я не знаю, сколько провожу здесь, пялясь в одну точку.

В какой-то момент за дверью раздаются голоса, один из которых мне уже знаком. Входит Майор, а за ним – высокий седовласый очкарик в старом выдавшем виды костюме. Я мрачно гляжу на Майора, по-прежнему испытывая к нему жгучую ненависть. Перевожу взгляд на седовласого и киваю на тренера.

– Уберите его отсюда. Я с ним разговаривать не хочу. *При нем* – тоже.

Седой смотрит на меня с отцовской добротой и садится на белый стул напротив кушетки, которую я занимаю.

– Кажется, у вас вышло некоторое недоразумение с нашим тренером, молодой человек, – терпеливо говорит старик. Я вдруг соображаю, что это директор. Сверчок, кажется. Что-то от стрекочущего насекомого в его облике и правда есть: ходит он, чуть наклоняя вперед прямую спину, а когда садится, поджимает руки и складывает их, не сцепляя пальцев, делая их похожими на маленькие лапки. Лысая макушка и очки с толстыми стеклами довершают образ. – Вам показалось, что на физподготовке с учениками обращаются жестоко, не так ли?

Я недоверчиво кошусь на него. Что-то в его размеренном приглушенном голосе и манере речи заставляет меня убавить пыл.

– Да, – коротко отвечаю я, исподлобья глядя на Майора. – Парень, который пытался...

– Не получается договорить про самоубийство, и я мотаю головой, отрывая от своей мысли кусок. – Он это подтверждал.

Майор стоит, точно надзиратель, сложив руки на груди за директорской спиной, и молчит. Смотрит на меня, не отрываясь, но не враждебно, а сочувственно. Даром мне не сдалось его сочувствие!

Сжимаю кулаки, пытаюсь совладать с собой.

– Он в шоке, директор, – тихо замечает Майор.

– Отвалите от меня! – вскидываюсь я так, что Сверчок вздрагивает и сильнее пожимает руки-лапки. Майор остается недвижим, как статуя.

– Молодой человек, – примирительно начинает директор, – в нашем заведении мы, разумеется, не обращаемся с детьми жестоко. И, само собой, не совершаем никаких противоправных действий. Наш руководитель физподготовки – опытный человек, и он уж точно не мучает учеников, смею вас заверить.

– И у вас язык поворачивается так говорить после того, как ученик из-за него решил утопиться? – восклицаю я, поражаясь наглости этой лжи.

Майор терпеливо вздыхает. Сверчок поправляет на носу очки.

– Понимаю, сколь сильно вас ввел в заблуждение этот скверный случай...

– Скверный случай?!

– ... но молодой человек, с которым вы повстречались, – директор удрученно вздыхает, – эмоционально нестабилен. Ему нужно особое внимание и, поверьте, персоналу, который это внимание не сумел оказать, я уже сделал надлежащий выговор. Этому молодому человеку очень повезло, что рядом были вы. Что вы не растерялись и сумели оказать ему помощь. Сейчас, если хотите знать, ему уже лучше. Он спит.

Я поднимаю глаза на директора.

– Можно мне к нему?

– Я бы не советовал... – начинает Сверчок.

Майор прерывает его.

– Пусть идет, директор. Возможно, так будет лучше.

То, что здесь принято называть палатой, меньше похоже на палату, чем ученические комнаты. Теперешнее пристанище моего обретенного и едва не потерянного приятеля напоминает обтрепанный кабинет, наскоро переделанный под спальню.

Пудель мирно лежит на кровати у окна. Никаких приборов или капельниц к нему не подключено, и я думаю, что он вот-вот должен проснуться при виде меня, но Пудель не просыпается. Наверное, ему что-то вкололи.

Вид у него бледный и истощенный, как будто он несколько дней осознанно морил себя голодом. Невольно вспоминаю слова директора об «эмоциональной нестабильности» Пуделя – почему-то этому заявлению удалось как следует меня пронять, – и уже не исключаю возможность, что так и было.

За эти мысли сразу становится стыдно. Я опускаю голову и сажусь на стул рядом с кроватью. Чего-то жду, но ничего не происходит.

– Зачем ты это сделал? – спрашиваю в пустоту. Я даже не уверен, что хочу знать ответ. Казалось бы, мы только познакомились, и я не мог настолько прикипеть к этому странному типу и так сильно заинтересоваться его судьбой, но мне почему-то тяжело и погано. Не могу сказать, от чего конкретно.

От того, что это произошло во время нашего задушевного – как мне казалось – разговора?

От того, что я не уследил, не остановил его и не разубедил?

От того, что ему так легко удалось отвлечь меня клятым чаем с печеньями?

Наверное, от всего вместе. Почему-то даже от того, что пресловутого чая с печеньями в рюкзаке не оказалось.

– А еще... это странно, – продолжаю свою мысль уже вслух, – но мне неуютно, потому что мне не наплевать на все происходящее здесь. – Морщусь от этих слов, как будто они режут мне язык. – Лез с вопросами к Старшей, потому что хотел узнать, как все устроено... но это еще ладно! Многие бы лезли в первый день. А вот зачем я с Майором сцепился, вообще не знаю. Увидел, как он учеников гоняет, и с катушек слетел. А потом ты, – укоризненно смотрю на спящего парня. – Я когда за тобой бросился, я это сделал, не думая. Даже не знал, хочешь ли ты, чтобы тебя спасали. Может, тебе это было совсем не нужно? Может, я хуже сделал?

Мне твердят, что я сделал все правильно, но я... я хочу, чтобы так и было, только я не уверен, понимаешь? Я ни в чем не уверен. Ни капельки!

Опускаю голову и сжимаю кулаки, чтобы не дать волю захлестнувшим меня переживаниям. Мое тихое отчаяние съедают стены, изголодавшиеся по разговорам, и оставляют мне тишину.

Я вздыхаю.

– Ты знал, что я за тобой полезу? – продолжаю свой абсурдный допрос. – Я ведь мог встать истуканом и молча смотреть, как ты тонешь. Не со зла, а просто потому что растерялся бы. Но я полез. Ты это знал? Тебе это было нужно – чтобы кому-то было не наплевать? Или ты ждал, что я не вмешаюсь?

Конечно же, Пудель мне не отвечает. Его сон кажется таким глубоким, как будто это и не сон вовсе... как будто он...

За окном вдруг завывает ветер, да так сильно, что я вздрагиваю. Правую ногу внезапно пронзает острая спица боли, заставляющая меня подскочить и зашипеть. Тихая палата превращается для меня в пристанище шелеста заоконной листвы, похожего на шепот, собственного шипения, и тихого дыхания спящего. За этой какофонией, показавшейся мне ужасно громкой, я не слышу, как открывается дверь.

– Все в порядке, малыш? – доносится до меня голос Майора. Шум резко стихает, будто его и не было. Или он был только в моих ушах?

Резко оборачиваюсь, забывая о притихшей ноге.

– Вы, что, теперь повсюду собрались за мной ходить? – шиплю я. Почему у меня такое чувство, будто Майор только и ждет, что я отреагирую на «малыша»? Если так, то мне совсем не хочется доставлять ему такое удовольствие.

– Мне показалось, у тебя что-то случилось, – спокойно отвечает он.

– Случилось, – ядовито говорю я. – Человек, с которым я почти подружился, рассказывал ужасы про вашу физподготовку, а потом решил утопиться. Вот, что случилось.

– Директор ведь тебе объяснил... – примирительно начинает Майор, но я перебиваю его.

– Что дело в его неуравновешенности? – кошусь на Пуделя и морщусь. Он вовсе не казался мне психом, когда мы сидели у болота. Он был уставшим, да, но не безумным и не печальным. Или печальным он все-таки был, а я не смог этого разглядеть? Не придал должного значения? Так или иначе, идти на поводу у Майора мне не хочется, и я упрямо качаю головой. – Каким бы неуравновешенным он ни был, не отрицайте, что вы его провоцировали! Думаете, все можно вылечить на плацу? Здесь вам не армия! Если вы знали, что у него проблемы, надо было сразу отправить его сюда, под надзор...

Майор выслушивает меня удивительно спокойно. Я бы на его месте уже сам себя приструнил, а этот молчит. Внимает. В какой-то момент это становится просто невыносимо, и я понимаю, что выдохся.

– Уходите, – прошу я. – Оставьте меня в покое.

Но Майор не уходит, а продолжает на меня смотреть. Под его внимательным взглядом мне становится не по себе.

– Когда будешь готов, я отведу тебя в ученический корпус, – наконец, возвещает он.

– Я сам могу туда пойти.

Взгляд Майора недоверчиво перемещается за окно.

– Можешь, – соглашается он. – И все-таки я тебя провожу. Это не обсуждается.

На этот раз в его голосе звучит сталь, напоминающая о том, почему его считают грозой этого концлагеря. Затем Майор встает и уходит. Я снова остаюсь наедине со спящей молчаливой комнатой – уже который раз за сегодняшний день.

Иногда кажется, что время должно с тобой считаться. Делать тебе поблажки, когда ты чем-то занят; не бежать так быстро, если ты теряешь его счет; закрывать глаза на твои слабости и не утекать сквозь пальцы.

Время с тобой не согласно. Ему в отличие от тебя не нужны передышки, а на твои нужды ему глубоко наплевать.

Сумерки за окном палаты Пуделя застают меня врасплох. Я таращусь мимо полупрозрачных занавесок на деревья, окутанные мрачной синевой, и не могу поверить, что прошло столько времени. Я, что, просидел здесь до самого вечера?

Встаю и по затекшему телу понимаю, что действительно надолго замер в одной позе. Потягиваюсь и нехотя выхожу в коридор. Директора там нет, зато есть Майор. Он сидит на скамейке ожидания, привалившись прямой спиной к стене, и, кажется, спит. Как только я показываюсь в коридоре, Майор открывает один глаз, бегло изучает меня, открывает второй и тут же поднимается.

– Хорошо, что ты вышел до темноты. Освещение здесь плохое, идти будет неудобно, – сообщает он будничным тоном.

Я не отвечаю. Опускаю голову и молча бреду за ним, стараясь не замечать навалившейся на меня усталости. Мы выходим из Казармы на улицу, и меня обдает сырой прохладцей. Затылок зудит от тяжелого ощущения чьего-то взгляда. Я оборачиваюсь, но на дорожке позади нас никого не вижу. Снова смотрю перед собой в спину Майора, но ощущение взгляда не уходит, и тогда я догадываюсь посмотреть вверх.

Решетчатые окна Казармы темны и глазасты: к ним приникло множество учеников, которые провожают каждый мой шаг. Мне неприятно, горько и почему-то стыдно. Я отворачиваюсь и вжимаю голову в плечи. Хочется закричать на них и заставить не пялиться на меня, но я сдерживаюсь и скрежещу зубами от злости. Через шаг врезаюсь во внезапно остановившегося Майора и выдаю невольное «Ой!», за которое готов сам себя прибить.

– Все в порядке?

Я поднимаю недовольный, укоряющий взгляд.

– Вам не надоело задавать мне этот вопрос? – огрызаюсь.

– Точно так же, как тебе – не надоело на меня гавкать.

От слова «гавкать» заливаюсь пунцовой краской от ушей до кончиков пальцев ног, успевая лишь надеяться, что в темноте этого будет незаметно.

– Сложно представить, что вас так волнует, все ли в порядке у ученика!

– Представь себе, меня это волнует, – спокойно отвечает Майор.

– А если я скажу вам, что я «эмоционально нестабилен», вы от меня отстанете?

Майор тяжело вздыхает, разворачивается и продолжает путь к ученическому корпусу. Некоторое время нас окутывает тяжелое молчание, затем Майор снова его нарушает.

– По-твоему, я должен плакать, заламывать руки и биться в истерику? Такое поведение тебе понятнее?

До меня доходит, откуда Старшая могла нахвататься своих высокомерных фразочек. Любимица Майора, она нашла не самый лучший пример для подражания. Возможно, это и мешает ей завести близких друзей... если, конечно, Пудель сказал правду, и у Старшей действительно нет таких друзей в интернате.

– По-моему, ваши заботливые речи были бы убедительнее, если б вы хоть немного переживали за ученика, который попытался покончить с собой. А так ваша участливость кажется наигранной.

Майор усмехается, и я слышу, что усмешка эта совсем не веселая.

– Я тебя понял, – говорит он. – Больше не буду задавать вопросы.

Оставшийся путь по окутанной сумерками территории интерната мы проделываем в тишине. Майор не говорит ни слова комендантше за столом при входе, а молча проводит меня наверх. Он не спрашивает, какая у меня комната, а в какой-то момент предоставляет мне возможность идти первому, показывая дорогу. Я с удивлением отмечаю, что, несмотря на, мягко говоря, насыщенный день, не забыл путь до комнаты.

Уткнувшись в дверь с номером «36», я улавливаю за ней чьи-то разговоры. Поворачиваю круглую ручку, и разговоры будто отсекает ударом топора.

Я вхожу в комнату и предчувствую, как на меня вытаращатся соседи. Оказываюсь прав: они действительно без стеснения меня рассматривают. Глаза их делаются похожими на блюдца, когда они замечают Майора за моей спиной. На мое счастье, он не заходит со мной в комнату, а разворачивается и убирается восвояси.

Дверь закрывается, и я снова оказываюсь в тишине, но на этот раз комната бодрствует на три четверти: три ее обитателя не спят, а четвертый так и остается одеяльным коконом, каким я видел его с утра.

Не уступаю старожилам тридцать шестой в нетактичности и тоже внимательно их рассматриваю. Первое, что отмечаю: блондинов среди нас нет. Один парень – высокий, примерно моего роста, но более тощий, сухошавый, с ярко очерченными скулами и выделяющимся рисунком вен на тыльных сторонах ладоней. Кареглазый, с каштановыми волнистыми волосами, он весь усыпан веснушками, похожими на маковые крошки на хлебе. Черная водолазка, заправленная в потертые джинсы, подчеркивают контраст между бледной кожей и темными веснушками.

Второй – напротив, низенький, пухлощекий, с темным «ежиком» на почти идеальном шаре головы, коренастый, глядящий немного искоса. Маленькие глазки бегают быстро и ненадолго замирают на всем, что привлекает внимание.

Третий – смуглый, тоже черноволосый, ростом примерно с меня, роскошно-аскетичный. Белая фуфайка, штаны, носки – все кажется простым, но дорогим и чистым до безобразия. И как он умудряется поддерживать свои вещи в порядке в столь неопрятной комнате?

Рыжеватый отблеск ночника золотит неловко застывшие лица моих соседей. В этой тишине не хватает только треска старой закончившейся пластинки для поддержания антуража.

Я молчу. Заговаривать со старожилами тридцать шестой не хочу принципиально! Пусть сделают это первыми или катятся куда угодно. Пудель сегодня дал понять, что эта традиция – не нерушимое правило, а простая условность...

Вспоминая о Пуделе, снова чувствую тоску и усталость. Мне тут же надоедает изучать соседей, я вздыхаю и прохожу к своей кровати. Откидываю заправленное с утра одеяло, скидываю обувь и забираюсь в спасительный кокон прямо в той одежде, которую мне выдали в Казарме, потому что искать пижаму, долго роясь в сумке, нет сил.

Тридцать шестая скрывается для меня в темноте и тишине, и я тоскливо смыкаю глаза, мысленно подгоняя тот день, когда смогу покинуть это противное место.

Глава 8. Ночное дежурство

СТАРШАЯ

Этот день отличался от других. Происшествие в Казарме быстро облетело всю школу и сорвало *большую* часть уроков: учителям попросту не удавалось заглушить ученический гвалт. Приходил Сверчок, призывал всех успокоиться и не нарушать дисциплину, в своей манере объяснял, что *все уже под контролем, обошлось без трагичных последствий усилиями одного молодого человека*. Если он надеялся, что это разрядит обстановку, то прогадал: это лишь ее накалило. Интерес к ситуации возрос так сильно, что никто не мог, да и не хотел говорить на другие темы.

Сидя за задней партой, Старшая в общие обсуждения не включалась. Она встревоженно смотрела в окно, изучая происходящее и делая собственные выводы. Выводы эти ее не утешали.

Во второй половине дня настроение красться в столовую за своей сокровенной булочкой пропало. Для Старшей это было очередным удручающим знаком: такое с нею случалось нечасто и, можно сказать, это была ее выведенная опытным путем плохая примета.

Разговоры в школе тем временем продолжали вертеться вокруг новичка, все подряд обсуждали комнату, в которую он попал, и ситуацию, участником которой стал в первый же день. Ситуация, как водится, обрастала все новыми подробностями, которые, надо думать, были сочинены самими участниками обсуждения. Ученики совещались насчет клички новичка, прикидывали варианты. Уже появились критики и фанаты его поступка. Кто-то рассказывал, что казарменного беглеца чуть не утащила болотница, легенды о которой то и дело всплывали в интернате во время костровых страшилок, и она бы довела дело до конца, будь беглец у воды один. Другие приписывали происшествие самому новичку: утверждали, что он – псих, который решил заработать внимание к своей персоне, чуть не утопив другого ученика. Третьи (таких было большинство) восхищались смелостью парня, дерзнувшего диктовать свои условия не где-нибудь, а в Казарме, к которой обитатели интерната относились с нескрываемой опаской. То, как новенький проявил себя у болота, лишь подчеркивало его героизм в глазах поклонников. Четвертые – в эту группу в основном входили «подмастерья» – громко рассказывали всем, как им наплевать на новичка и на его хваленый героизм. Пятые сокрушались об «ужасном событии, потрясшем всю школу», и едва не хватались за сердце от избытка переживаний.

Старшей все это не нравилось. Не нравилось, что новичок надерзил Майору; не нравилось, что большинство учеников это одобряло; не нравилось, что они задавали вопросы и интересовались персоной нового ученика, который даже на уроках сегодня не был. Старшая предчувствовала во всем этом нечто недоброе и внутренне готовилась к чему угодно.

Когда опустилась ночь, Старшая долго не могла уснуть. Ворочалась с боку на бок, упрямо пряталась лицом в подушку, пыталась покачиваться, как в колыбели, чтобы себя убаюкать, и даже считала овец. Все оказалось бесполезно. Что-то подбрасывало ее, стоило попытаться закрыть глаза. После тридцатой попытки уснуть она сбилась со счета и вскоре сдалась, рывком скинув одеяло и сев на кровати. На соседней тумбочке зажглась тусклая лампа.

– Старшая? Ты чего? – вымученно прошептала светловолосая Принцесса – робкая девочка с ангельской внешностью. Она всегда чутко спала и просыпалась от каждого одеяль-

ного шороха. Должно быть, от метаний соседки ей сегодня тоже было несладко, но ни замечаний, ни советов, ни даже простого недовольства в воздух от нее не последовало.

Старшая вздохнула.

– Спи. Все нормально, – нехотя ответила она, обувая кеды на босую ногу и заправляя шнурки под язычок, не завязывая. Думала сначала сменить обтягивающую ее тощую фигуру пижаму на теплую толстовку и джинсы, но передумала. Что-то подсказывало ей, что на это нет времени, и она и так много потеряла, пока боролась с бессонницей.

Схватив с тумбы резинку, Старшая небрежно стянула волосы в высокий хвост и взъерошила челку.

– Чего там? – заворочалась в полусне Лень, как всегда, растягивая каждое слово дольше, чем полагалось.

– Да спите! – шикнула Старшая, подкрадываясь к двери. На Принцессу она посмотрела неодобрительно, кивнув на лампу. – И выключи ее уже.

Принцесса беспрекословно послушалась. Лень, похоже, снова уснула. Хозяюшка, Белка и Игла от возни Старшей даже не пошевелились. Оглядев соседок и убедившись, что в комнате 47 все хорошо, Старшая тихо выскользнула в коридор и осторожно направилась к лестнице. Глаза непозволительно медленно привыкали к темноте. Обычно мрачные ночи в корпусе не пугали Старшую: она прекрасно знала, что бояться тут нечего. Но сегодня необъяснимая тревога всколыхнулась в ней, как болотный ил, и никак не желала оседать.

Где же? – спрашивала себя Старшая, пытаясь нащупать источник своих тревог в темноте ученического корпуса. – *Где сегодня?..*

Однозначного ответа, как водится, не было. Его никогда не было, когда он был нужен, и в такие минуты Старшая чувствовала себя так, будто кто-то жульничает, играя с ней не по правилам. Но жаловаться было бесполезно: и так ясно, что проверять придется все, кроме учебного крыла, в котором в ночное время никого нет и не может быть. Остальная же территория... на ней все возможно.

Настоящее ночное дежурство, – вздохнула Старшая и спустилась на первый этаж. Теплый свет настольной лампы дотянулся до нее от входа. Старшая прислушалась. До нее долетело тихое похрапывание Катамарана, сменившего Горгону на ее посту. Коменданты ученического корпуса были подарком для любого, кто часто выбирался на улицу в неположенный час. Горгона чаще всего была поглощена любовными романами, а Катамаран – собственным храпом. Он погружался в сладкий младенческий сон почти каждый раз, когда принимал сидячее положение.

Старшая постаралась сосредоточиться, отгородиться от храпа и расслышать другие звуки, наполнявшие корпус. Она различала скрипы старых дверных петель и оконных рам, редкий лай ветра за хлипкими форточками, едва уловимые помехи давно утратившего красноречие радиоприемника, который Катамаран оставлял включенным. Все было, как обычно. Значит, то, что ее тревожило, притаилось не здесь.

Решительно расправив плечи, Старшая устремила мимолета коменданта на улицу. Ночь сначала отказалась впустить ее в себя, ударив ветряным кулаком по входной двери ученического корпуса, затем передумала и резко дернула ее на себя. Старшая тихо ахнула, оказавшись в ночной тьме, захваченная колкими, почти льдистыми объятиями ветра. Зубы застучали, по телу разлилась дрожь, неприятно заныли ноги. Старшая встрепенулась и припустилась по территории белым призраком, хватая легкими холодный воздух и не жалея сил. От бега холод быстро уступил место приятному тонизирующему теплу, растекшемуся по мышцам. На тонких губах Старшей появилась неуместная победная улыбка. Ноги несли ее мимо корпуса учителей в сторону здания администрации и дальше, к Казарме. Если в интернате что-то случилось, первым источником тревог всегда считали именно это место.

Подбежав к самому мрачному пятну темно-синей ночи, Старшая остановилась, заметив чей-то силуэт, небольшой медленно качающийся в пространстве красно-рыжий огонек и сизый дым. Силуэт был очень прямой, хотя навевал ощущение тяжелой задумчивости, от которой обычным людям полагалось сутулиться.

Старшая кивнула, соглашаясь с собственными мыслями, и решила приблизиться.

– Я догадывался, что ты придешь сегодня, – спокойно встретил ее голос Майора. – Можешь не волноваться, здесь тихо. Я слежу.

Старшая укоризненно посмотрела на сигарету в руках Майора, но он то ли не заметил этого, то ли не захотел замечать.

– День был взбудораженный, – передернула плечами Старшая и добавила со значением: – И ночь тревожная.

– Тревожная для того, кто увидит призрак в пижаме, рассекающий по территории, – хмыкнул Майор. – Про тебя и твои ночные похождения еще страшилки не сочиняют? В школе это любят.

Старшая важно задрала подбородок, всем своим видом показывая, что такие пустяки не волнуют ее, как не должны волновать любого сознательного человека.

– Может, и сочиняют. Кому какое дело? Пусть развлекаются, если им так хочется.

Майор встретил вызов в ее голосе внимательным молчанием. Старшая ждала от него комментариев, но их не последовало. Он докурил сигарету, затушил ее о крыльцо Казармы и оставил лежать. Старшая знала, что поутру не найдет окурка, Майор всегда за собой убирал.

Молчание воскрешало отступившую было тревогу, и Старшая, снова начиная замерзать, медленно спросила, боясь выдать дрожь:

– Как... тот мальчик?

– В порядке, ты же знаешь, – нехотя буркнул Майор.

– Знаю, но... – Старшая помедлила, – то, что он сделал... это ненормально.

На несколько секунд в воздухе зазвенела тишина.

– Не тем он путем сбежать решил, – вздохнул Майор, явно посчитав, что это хорошая шутка. Старшая вспыхнула от возмущения и задохнулась собственными замечаниями. Майор и сам спохватился: понял, что перегнул палку. – Скоро окрепнет, нужно только немного времени, – попытался исправить он и немного изменил вектор разговора: – Ему повезло, что он оказался там не один, с ним был новенький.

Услышав о новичке, Старшая поморщилась и тихо фыркнула. Майор не оставил это без внимания и улыбнулся:

– Чего нос воротить? Ты разве с ним уже познакомилась?

– Да вот довелось, – протянула Старшая со странной укоризной в голосе, как будто Майор был виноват в их встрече с новичком.

Ее немые обвинения разбились о камуфляжную футболку.

– Это где же?

– У ворот.

– Утром?

– Да.

– Как только он прибыл?

– А когда же еще?

– Чем он вызвал такую немилость?

– Задавал много вопросов.

Одинаково стальные атаки и парирования, одинаковые интонации. Завершив словесную дуэль, Майор тихо рассмеялся, а Старшая в ответ вскинулась.

– Не вижу ничего смешного! – назидательно бросила она. – Он заносчивый. Не в меру любопытный. Сует свой нос, куда не следует. Качает права.

– Никого не напоминает? – дружелюбно спросил Майор.

– С ним будут проблемы! – упорствовала Старшая.

– И с тобой были. И со мной. С каждым были проблемы, и с каждым – свои. Это нормально. Хотя... что здесь, к чертям, может быть нормального? – Последние слова Майор добавил с отчетливой тоской в голосе. Старшую от этого пробрал леденящий страх, она уронила руки по швам пижамы, и шагнула к Майору. Заговорила она, уже не сдерживая в голосе дрожь:

– Вы... вы решили... уйти?

Слова покидали губы нехотя, сдавленно, будто ей запрещено было это говорить. Она сама себе запретила говорить об этом.

Майор снисходительно усмехнулся, потянулся к карману камуфляжных штанов, извлек еще одну сигарету из пачки, поджег и закурил.

– Нет, – посерьезнев, ответил он. Усмешка наползла на его лицо вымученно и отрешенно. Старшей показалось, что он просто не хочет ее пугать. – Кто же будет гонять этих оболтусов по плацу, если не я?

– Вы скучаете? – тихо спросила Старшая. – По своим родным и близким? Хотите... снова быть с ними и уйти отсюда? – Она с подняла голову, заменив грусть и страх вызовом, лицо ее будто окаменело. – Если так и есть, скажите прямо! Щадить меня не надо! Если хотите помочь, лучше подготовьте!

Майора вырвало из его мыслей, теперь они не беспокоили его даже фоном. Он опустил руку с сигаретой, выдохнул облако дыма и уставился на Старшую.

– Не много ли ты на себя берешь? – спросил он. Участливо, без угрозы.

– Столько, сколько могу и считаю нужным, – отрапортовала она.

Майор вздохнул.

– Заносчивая. Качаешь права. – Он улыбнулся. – Ты присмотрись к этому новичку, может, вы с ним подружитесь?

– Больно надо! – Старшая сложила руки на груди.

– «Больно» – не надо, – покачал головой Майор. – В твоём возрасте «больно» – это когда одиноко. А ты одинокая, у тебя как таковых друзей-то здесь и нет. Это не дело, когда поговорить по душам можно только с воспитателем.

– Неправда. У меня есть соседки, я с ними говорю. Я же не могу с ними молчать, мы все-таки вместе живем...

– Не строй дурочку, – строго оборвал Майор. – Ты прекрасно поняла, о чем я. Тебе нужно больше общаться со сверстниками.

Старшая посмотрела на него исподлобья.

– Чтобы с ними вышло, вот как с вами сейчас? Нет уж, спасибо! – бросила она. Майор приподнял брови.

– Что ты себе надумала? Что я прогоняю тебя? Что прощаюсь? Отставить эту ересь! Не задумал я никуда уходить, – увесисто заявил он. Старшая наблюдала за ним и пыталась уловить ложь, хотя она умела это далеко не так хорошо, как ей хотелось бы.

Майор посмотрел на дрожащие плечи Старшей и понял, что у нее скоро зуб на зуб перестанет попадать от холода. Сам он к холодным ночам интерната себя давно приучил, но подавать этот пример ученикам не следовало. Особенно Старшей: слишком уж фанатично она перенимает взрослые привычки, отдающие моральным самобичеванием.

– Возвращайся в корпус, – устало сказал Майор.

– Но ведь...

– Хватит спорить. – Он вымучил улыбку. – Ты любишь ставить себе задачи на силу воли, так поставь еще одну: научись справляться с беспокойством. Поняла, боец?

Старшая опустила голову и кивнула.

– Так точно, – буркнула она, но уходить не спешила.

– Иди, – смягчившись, протянул Майор. – Ты совсем замерзнешь здесь. Для успокоения можешь пробежаться по территории и удостовериться, что ночь тихая. Все будет в порядке. – Он несколько секунд помедлил и решил добавить: – И это не было нашей последней беседой, если что. Я не уйду и не отказываюсь с тобой общаться. Но про друзей ты все-таки подумай. Ладно?

Старшая вздохнула.

– Ладно.

– Так держать.

На душе у Старшей почему-то потускнело. Она понимала, что Майор и так вел себя с ней доверительнее, чем с другими учениками, но все равно чувствовала обиду на него. Старшая не понимала, в чем в глубине души винила Майора и чего от него хотела, но упорно ощущала, что он ей что-то должен после того, что сказал.

Приди в себя! Это абсурд, – укорила себя Старшая.

На ум пришли слухи сплетниц, в которых она и Майор были героями какого-то неведомого любовного романа. Воспитатель и школьница. Старшая поморщилась, даже не успев себе это вообразить. Майор был хорошим, дорогим для нее человеком, но она не представляла, как у ее одноклассниц хватает мозгов думать, что они пара. Майор для нее был почти стариком! Хоть не Сверчок, на том спасибо!

Как ни странно, эти раздумья немного развеяли тяжесть на душе Старшей. Пружинящий бег стал казаться легче. Вновь набирая скорость и позволяя одеревеневшим от холода мышцам согреться, Старшая вернулась по дорожке обратно, пробежала мимо корпуса малышей и домика разнорабочих. Она добежала почти до ворот, пытаясь уловить усиление тревоги, но ничего подобного не почувствовала.

Должно быть, Майор был прав. В конце концов, сегодня произошло из ряда вон выходящее событие, и, как Старшей ни хотелось думать, что она не подвержена коллективным веяниям, она все же ловила их фимиам и проникалась ими, сама того не замечая.

Нехотя, уже не бегом, она вернулась в ученический корпус. Тихий треск помех радио и храп Катамарана дополнились новым электрическим треском: лампочка на столе коменданта начинала потихоньку перегорать.

После холодной ночи Старшая думала, что нутро ученического корпуса встретит ее жаром, но не ощутила его. Видимо, она замерзла куда сильнее, чем ей казалось.

На миг Старшая почувствовала усталость, но тут же заставила себя встрепенуться.

Усталость – она для кровати. Пока бодрствуешь, будь энергичной, иначе милости прощу в Казарму! – повторила она свой неписанный закон.

Преисполнившись решимости вновь попытать счастья со сном, Старшая направилась к лестнице.

Стоило ноге коснуться ступени, как кусачий, непривычно колкий мороз пробрал ее до костей, будто в штанину пижамы насыпали снега.

– Ай! – выдохнула Старшая, отскочив. Она остервенело бросилась растирать оледеневшую ногу, но почти сразу остановилась, уловив, как собственное дыхание облачком пара вырывается изо рта. Опустив взгляд на перила лестницы, Старшая заметила на них тонкие полоски инея.

– Что? – прошептала она. – Здесь?

Она знала, что это такое, и сердце ее заколотилось быстрее. Разум подсказывал ей, что бояться нечего... по крайней мере, ей, но инстинкты вопили об опасности и отказывались подчиняться.

Ты любишь ставить себе задачи на силу воли, так поставь еще одну: научись справляться с беспокойством, – тут же вспомнила Старшая слова Майора и до боли закусила губу, напряженно пытаясь взять себя в руки.

Наверх.

Она знала, что нужно идти наверх, следы инея вели туда, откуда веяло зимой.

Давай! На глупый страх и так ушло слишком много времени!

Летя вверх по лестнице, Старшая проклинала себя за промедление. Ее заминка могла стоить очень дорого.

На втором этаже она попыталась прислушаться к чувствам как можно быстрее. Здесь было холоднее, чем на первом, и все же настоящий мороз ждал ее выше. Он пришел на третий.

Глава 9. При свете страхи могут рассеяться

НОВИЧОК

Заброшенное место. Заброшенный интернат. Я иду по растрескавшейся дорожке, едва не спотыкаясь на проросшей траве. Некоторых плиток почти не видно. Сорняки и деревья пустили свои корни по всей территории, ветки проткнули стекла домика разнорабочих, проникли в корпус младшеклассников, скрыли от чужих глаз здание администрации, оплели пристанище учителей. Весь интернат – как на ладони. Запущенный, покинутый, пустой. Казарма мелькает мрачной тенью среди деревьев обступившего ее перелеска. У тропинки, ведущей к болоту, деревья и вовсе образовали непрístupные заросли. Продовольственные ангары скрылись в сорной траве. Я вижу это, хотя нахожусь очень далеко, почти у самых ворот. Я могу перемещаться по территории, как захочу, и ничто не мешает моему обзору. Ноги упрямые и упорные – они тянут меня к ученическому корпусу, которому каким-то образом удалось избежать древесной войны и выдержать осаду. Окна темны, комнаты необитаемы; не нужно отправляться на разведку, чтобы это понять. В таком запустении не может быть жизни. В таком запустении может быть только лес.

Жизнью горит всего одна комната. Огонек внутри нее мигает, будто последняя искра сейчас потухнет, и что-то тянет меня туда. Уже поднимаясь, я сознаю, что направляюсь на третий этаж, в тридцать шестую. Я знаю, что огонек, который надо сберечь, будет ждать меня там.

Поворачиваю ручку (она почему-то оказывается очень холодной), делаю шаг к огоньку... и просыпаюсь.

Бывают жаркие ночи, когда лежишь, как выброшенная на берег рыба, и жадно глотаешь каждый порыв ветра, влетающий в форточку. В такие ночи только и мечтаешь о промозглом осеннем ветре или о скрипучем зимнем морозце. Скрываясь от своих соседей по комнате в одеяльном коконе, я был уверен, что меня ждет именно такая ночь. Соответственно, я рассчитывал провести ее без сна, потому что сбросить одеяло было все равно, что попрасть собственную честь и выказанное недовольство, а спать в такой жаре довольно быстро должно было стать невозможно.

По правде говоря, я ждал чего угодно, кроме того, что проснусь посреди ночи от жуткого холода.

Лежу в своем укрытии и не кажу носа наружу, стискивая челюсти, чтобы не стучали друг об друга. Пальцы ног уже ноют, руки кажутся окоченевшими, а кончик носа, по моим ощущениям, покрывается инеем. Если б я не был знаком с директором этого жуткого места, то, наверное, все еще недоумевал бы, как может администрация школы-интерната допускать, чтобы дети жили в таких условиях. Но я со Сверчком познакомился, и, судя по его виду, он готов закрыть глаза на что угодно, лишь бы жить в полной уверенности, что в школе все хорошо.

Если переживу эту ночь, надо будет надывать себе с одной из пустых кроватей дополнительное одеяло – все равно лежат бесхозные. А если придут еще новички... ну отдам. Если эти новички мне понравятся, конечно.

На мгновение меня опьяняет злорадное чувство власти и превосходства над всеми, кто заселится в тридцать шестую после меня. Уже в следующую секунду понимаю, что никакого толку в этом деланном могуществе для меня нет. Когда я стану по сравнению с новичками старожилом, я знаю, как буду это использовать: нарушать дурацкие традиции интерната и не соблюдать однодневный бойкот; рассказывать, как все устроено; может, даже к воротам ходить, встречать и провожать новеньких до ученического корпуса. Я знаю, что буду вести себя так, не потому что мне есть дело до каждого новенького, а потому что я *могу* это сделать. И, если не сделаю, то буду чувствовать себя полной сволочью. Почему-то.

Тоскливо вздыхаю и замечаю во тьме одеяльного кокона призрачные завитки пара.

Так, ну это уже совсем ни в какие ворота! Получается, что даже здесь, под одеялом, температура, как зимой?! Никуда не годится.

Переполняюсь решимостью встать, разбудить Сверчка прямо сейчас и заставить его столкнуться лицом к лицу с одной из школьных проблем. Захочет прятаться за Майора – его дело. Насмотрелся я уже на этого типа, пугать меня ему нечем!

Разминаю окоченевшие пальцы, хватаюсь за край одеяла, тяну его вниз, чтобы не вышло неловкости при слишком резком движении...

... и замираю.

У кровати напротив меня, где скрывался самый таинственный из моих соседей, будто вырос силуэт из инея. Очертания силуэта неясные. Больше всего они напоминают человека, изображающего привидение с помощью простыни, с той лишь разницей, что и простыня, и человек – прозрачные, а сверху их будто припорошило поблескивающим голубовато-серебристым снежком.

Хочу заорать, но холод сдавливает горло. Я даже дышу с трудом, какой уж тут кричать!

Таинственный мираж медленно склоняется над соседом.

Я замечаю, что не один являюсь зрителем этого жуткого действа: трое моих соседей тоже наблюдают за призраком-из-инея, глаза у них безумные, широко распахнутые и блестят от слез. Губы подрагивают.

Призрак-из-инея тянется к спящему соседу. Это даже не похоже на протянутую руку, это просто перемещение полупрозрачной поблескивающей массы по направлению к человеку. Парень будто чувствует это приближение и высовывает голову из-под одеяла. В черно-сизом мраке комнаты и свете голубоватых искорок его лицо похоже на посмертную маску покойника. Призрак-из-инея продолжает тянуть к нему кусок своего аморфного тела, и парень выгибает спину, а из его груди вырывается беспомощный хрип.

Будь я проклят, если это не один из самых жутких звуков в мире!

Это должно было заставить меня остолбенеть окончательно. Возможно, даже заплакать от ужаса. И я бы так и сделал, если б уже не слышал подобный хрип в этот злополучный день.

Слова Пуделя звучат у меня в ушах назойливым эхом болезненного прошлого.

Холода дожждаться, – вспоминаю я, выдыхая очередное облако пара. Он об *этом* говорил? *Этого* он хотел дожждаться вместо того, чтоб топиться? Эта штука, стало быть, *убивает*?! И о ней здесь знают?

Шокирующие мысли и воспоминание о едва не утонувшем парне, которого это место довело до попытки самоубийства, взрывают во мне снаряд жуткой злости, и я резко поднимаюсь с кровати, вставая носками на пол, больше напоминающий снежный наст.

– Эй, тварь! Пошла вон! – рычу я, царапая изнутри оледеневшее горло.

Получается вряд ли грозно. Мое верещание больше напоминает истерический визг, чем звериный рык, и напугать способно разве что того, кто опасается умалишенных. Но я уповаю на то, что это сыграет мне на руку.

О том, как буду отступать или спасаться, если эта штука нападет, я не думаю. О том, зачем вообще решил связаться с ней вместо того, чтобы затаиться, – тоже. Где-то в дальнем уголке сознания до меня доходит, что с инстинктом самосохранения у меня отношения натянутее некуда.

Тем временем призрак-из-инея на меня не реагирует, но я, не ценя свою удачу, хватаю с кровати подушку и запускаю ее напрямик в сгусток серебристо-голубых снежинок. Подушка пролетает насквозь, ударяется о стену, кашлянув облаком перьев, и падает.

Сосед издает еще один хрип. Кто-то из остальных обитателей комнаты начинает поскрывать от страха, кто-то отчетливо стучит зубами. И я пытаюсь понять, откуда я выискался такой смельчак, что лезу наперекор какой-то неизвестной твари.

– Отстань от него! Уходи! – вылетает из моего горла.

Никакой реакции. Похоже, этому существу, чем бы оно ни было, на меня наплевать, как и на всех остальных в комнате. Оно пришло только за одним из нас. А этот один, как назло, хрипит и не выказывает никакого сопротивления.

С безумным криком бросаюсь вперед и начинаю бешено трясти соседа и бить по щекам, пока не стало слишком поздно.

– Отгоняй его! – команду попутно. – Отгоняй, ему на других плевать! Гони его сам! Да очнись же ты!

Не очень-то рассчитываю на отклик, поэтому сразу откидываю одеяло парня в сторону и стаскиваю его с кровати, пытаюсь увеличить расстояние между ним и этим медлительным... призраком (или Холодом... или как там его еще кличут?). Угловатое тело парня тяжело и нелепо падает на пол, и я опасаюсь, как бы он не переломал себе все кости. Широко распахнутые немигающие глаза наводят на мысль, что сосед мой уже одной ногой в могиле, но я отказываюсь об этом думать и, кряхтя и ругаясь, оттягиваю его дальше, заставляя подняться.

– Вставай! – пытаюсь мотивировать его, но на поверку получается истерическая мольба. Замечаю, что хрипы стихли, и перестаю тянуть парня прочь от Холода, надеясь на хоть какое-то содействие с его стороны. – Давай к двери! Скорее!

Парень, хвала моей удаче, и вправду начинает двигаться. Заторможенно, непозволительно скованно, но все же ковылять на четвереньках в сторону спасения.

Нетерпение готово взорваться во мне атомной бомбой. Не знаю, на сколько меня хватит продлевать соседу фору, но стараюсь, как могу. Холод по-прежнему стоит у кровати и покачивается, будто мои безумные действия привели его в замешательство. Сейчас я его понимаю, как никто! Меня собственные действия тоже привели в замешательство, и я, кажется, только начинаю осознавать, что вообще делаю.

От осознания становится страшнее...

Больше всего меня тянет включить свет, как будто при свете страхи могут рассеяться. Сам не знаю, почему, но решаю, что это хорошая идея.

Вытянутый из-под одеяла сосед стонет и поднимается на непослушные ноги. Я позволяю ему обогнать меня и подгоняю его вперед легким толчком в спину.

– Быстрее! – кричу.

Холод, похоже, соображает, что к чему, и тоже начинает двигаться. Я чувствую, как мороз перемещается по комнате чуть ближе к нам, и снова подталкиваю соседа.

– Давай же!

Знаю, что легко могу вырваться вперед, но тогда – я в этом почему-то уверен – Холод доберется до него, и все усилия будут тщетными. Сейчас мое тело выступает хлипкой баррикадой между ним и его целью.

До выключателя остается каких-то четыре шага, и я все-таки решаюсь ускориться, чтобы их преодолеть. Движение Холода леденит мне затылок, и я улавливаю, как он делает рывок, чтобы все-таки схватить несчастного парня. Я не понимаю, почему этого нельзя допустить, но интуиция вопит, что даже одно касание будет для него фатальным.

– Осторожно! – кричу я.

Где-то на подкорке уже понимаю, что кричать бесполезно, и тело вновь бросается назад, чтобы снова подтолкнуть парня к двери. Толчок получается отчаянным и донельзя грубым. Сосед падает на четвереньки, а бесформенная рука Холода приземляется прямо мне промеж лопаток.

Комната безумствует криками – уж и не разобрать, чьими, но один из них, я уверен, мой собственный. Спина и грудная клетка вспыхивают колючей ледяной болью, будто меня с размаху швырнули об воду. Уши наполняются гулом, звоном и неразборчивыми выкриками. Кажется, что их так много, что я не могу разобрать ни единого слова.

Мне больно.

Чувствую, как ударяюсь коленями о пол и давлюсь стоном.

Так и не успел свет включить, – почему-то с обидой промелькивает в голове. Хочется заплакать и уснуть, свернувшись калачиком. Я стремительно леденею в своей борьбе, которая с каждой секундой кажется мне все более бессмысленной. Силуэт соседа мутнеет перед глазами – то ли от слез, то ли от боли. Я знаю, что могу замерзнуть насмерть... и почему-то чувствую, что это будет не больно, как только я поддамся и перестану сопротивляться, пытаюсь себя отогреть...

Не знаю, где сейчас Холод, но понимаю, что у меня не хватает сил отслеживать его перемещения. Осознавая глупость ситуации, я уже готовлюсь к очередному касанию, которое уж точно заморозит меня насовсем.

Дверь тридцать шестой резко распахивается.

Свет ярким потрескивающим солнцем сжигает комнату. Глаза невольно закрываются от слишком теплого, слишком слепящего сияния. Холод, окутывавший все пространство от пола до потолка секунду назад, рассеивается. Я запрокидываю голову, думая, что сейчас сгорю, но горит у меня только щека...

Буря криков в ушах увядает до монотонного назойливого звона. Мотаю головой, пытаюсь продышаться и трогаю щеку, которую начинает неприятно щипать. Открываю глаза и вижу ошарашенное лицо Старшей прямо над собой. Удивляюсь, что она настолько выше меня, а затем соображаю, что стою на коленях. Утром я бы все отдал, лишь бы эта девчонка никогда не увидела меня в таком положении, но сейчас мне слишком тяжело собрать себя в кучу, чтобы беспокоиться о таких пустяках.

Смотрю на Старшую вымученным взглядом, пытаюсь выдавить из себя банальное «привет». Замечаю, что рука у нее отведена в сторону, грудь тяжело вздымается от дыхания, как после бега, лицо пылает от румянца, взгляд то ли злой до чертиков, то ли потрясенный.

А она еще более тощая, чем мне казалось! Кожа да кости под пижамой.

Словно уловив мои мысли, Старшая неловко жметса, но тут же напускает на себя свой командирский вид и выдает:

– Тебе еще раз врезать, или ты уже пришел в себя?

Глава 10. Будем знакомы, Спасатель

НОВИЧОК

Ветер скулит за окном, нарушая замораживающую тишину комнаты №36. Мгновения с неслышным звоном осыпаются на едва оттаявший пол, а я продолжаю глядеть за замершую Старшую. Она по-прежнему держит руку отведенной в сторону, будто готовится снова меня ударить. Первую ее пощечину я ощущаю до сих пор и пытаюсь понять: она сделала это, чтобы привести меня в чувство, или это просто доставило ей удовольствие.

В ответ на ее вопрос молчу и враждебно тарашусь на нее снизу вверх. Старшая расценивает это по-своему, и отведенная в сторону рука отводится чуть дальше для новой оплеухи.

– Да пришел я в себя, пришел. Давай без рукоблудия, – хриплю я, не отнимая руку от груди, по которой все еще разливается тяжелая ноющая боль постепенного оттаивания.

Кто-то из моих соседей издает тихий хрюкающий смешок, и оледеневшее растерявшееся время тридцать шестой, наконец, сдвигается с мертвой точки. Старшая опускает руку, одаривая меня испепеляющим взглядом, и оборачивается к парню, из-за которого, похоже, наше злключение и началось.

– Эй, Нумеролог? – окликает она. Я несколько мгновений не понимаю, о чем она, пока не соображаю, что «Нумеролог» – кличка моего соседа. – Живой?

Нумеролог – тощенький шупленький мальчишка лет четырнадцати с взъерошенной копной серовато-русых волос, длинными тонкими пальцами и темно-синими кругами под глазами – в ответ на оклик Старшей стонет и страдальчески смотрит на нее. Радужка глаз у него темная, как чернослив, почти пугающая.

Я отвожу взгляд: от вида Нумеролога, я и сам начинаю чувствовать себя залежалым покойником.

Тем временем Старшая осуждающе смотрит на остальных моих соседей.

– У меня нет слов, – цедит она сквозь зубы. Резкое движение рукой в мою сторону заставило бы меня дернуться, будь у меня больше сил. Но я не дергаюсь, а выпад Старшей оказывается только указующим жестом. – Ну ладно он! Эта бестолочь уже возомнила себя оппозицией для Майора, но вы-то! – Голос Старшей угрожающе набирает силу. – Вы, что, не заметили, что с вашим соседом происходит?! Разве не понятно, что в таких случаях надо делать?!

Я через силу оборачиваюсь на соседей. Парни сидят пристыженные, прикрываются одеялами, глаза у всех на мокром месте от пережитого ужаса.

– Я вопрос задала, – чеканит Старшая. Улавливаю в ее голосе интонации Майора на плацу и невольно хмурюсь.

– Отстань от них, мы все испугались, – говорю. Звучит... довольно жалко. В моем голосе недостаточно сил, чтобы перебить чеканку Старшей, но она все же обращает на меня внимание.

– Испугались они, – бубнит она. Ее рука оказывается на удивление сильной, когда она хватается за меня и дергает, чтобы я встал. – Хватит уже сидеть трястись! Вставай давай, неженка!

Положение «на коленях перед Старшей» меня и самого не радует, поэтому в ответ на идею встать не возмущаюсь. Однако когда она дергает меня, и я рефлекторно поднимаюсь, глубоко вдыхая, в груди снова разрывается ледяной снаряд боли, и я со стоном сгибаюсь пополам, схватившись одной рукой за кровать. Хоть на колени обратно не падаю, и на том спасибо. Но удержаться от того, чтобы замыкать и снова надавить на центр груди, не получается.

Старшая фыркает, и ее презрительный взгляд я чувствую, даже не видя его.

Кто-то из соседей вскакивает с кровати.

– Ты бы поаккуратнее... – неуверенно говорит он, замирая на полпути, пока я стараюсь распрямиться.

– Боишься, что ваш новичок хрустальный? – хмыкает Старшая.

– Его... Холод коснулся, – тихо говорит уже другой сосед.

Старшая набирает в грудь воздух, чтобы что-то ответить, но тут до нее доходит смысл услышанного, и она замирает.

– Что? – переспрашивает она несколько секунд спустя. Взгляд ее фокусируется на мне, лицо делается вытянутым и каким-то болезненным. Смотреть на меня, как на грязь из-под ногтей, она перестает. Видно, что внутри нее разворачивается настоящая борьба, но она изо всех сил старается этого не показывать.

В комнате стоит звенящая тишина, все ждут вердикта Старшей. Когда она наконец заговаривает, голос ее звучит более хрипло, чем обычно:

– Так. Тридцать шестая, соседа под руки – и бегом к Майору.

– Ночью? – удивляется смуглый парень в идеально белой пижаме.

– А раньше надо было думать! – отчитывает его Старшая. – Теперь придется ночью. Давайте, быстрее. Одна нога здесь, другая там. Живо!

Она бросает очередной критический взгляд на Нумеролога и недовольно цокает.

– Бестолочи!

Тридцать шестая начинает суетиться, кавардак оживает и перемещается, будто желает выпорхнуть на волю. Наконец три обитателя комнаты выстраиваются перед Старшей шеренгой в ожидании ее приказа. Я все это время стою, слегка согнувшись, и опасаясь делать глубокие вдохи. В груди волнообразно ноет, в животе муть. Старшая недовольно поглядывает на меня, и я, к собственному удивлению, понимаю, что она *волнуется*, хотя и не подает виду.

– Эй! – робко обращается кто-то. До меня не сразу доходит, что невысокий парнишка с шарообразной головой и птичьими глазками обращается ко мне, а не к Старшей. Я вымученно поворачиваю к нему голову и убеждаюсь в своей догадке. Лицо паренька сияет. – А это правда, что ты сегодня спас кого-то от болотницы?

Я хмурюсь.

– От болотницы?

– Стриж, ерунду не болтай, – чеканит Старшая. – У тебя сейчас дело есть, не забыл?

– Да, – неловко соглашается парень по кличке Стриж, – но... разве там болотницы не было? Это не она его утащила? Кстати, кого... а то все разное говорят... но большинство говорит, что ты его спас. Кто-то, правда, считает, что ты сам его и... ну... того...

– Что? – вскидываюсь я и, охая, кривлюсь от боли в груди, отозвавшейся на попытку распрямиться.

– Стриж, – предупреждающе понижает голос Старшая.

– Идите вы к черту со своими слухами! – устало шиплю я.

– Не переусердствуй, – обрубает меня Старшая и снова смотрит на моих соседей. – А вы, хватит тормозить!

Те не спешат покидать комнату, хотя уже ждут одетые. Самый высокий, присыпанный маком веснушек, помогает Нумерологу обуться.

– Я Стриж, как ты понял, – не унимается мой горе-собеседник. – Этот, в белой пижаме, Далай-Лама. Можно просто Лама...

– Нельзя «просто Лама», – тут же недовольно возражает названный.

– ... этот высокий – Сухарь. А тот, кого ты спас – Нумеролог. Будем знакомы, Спасатель. – Стриж неуверенно пожимает плечами, оглядывая соседей. – Думаю, уже можно, да? Все как... согласны?

Старшая скептически приподнимает бровь, но ничего не говорит. Соседи переводят на меня взгляд и наперебой начинают что-то щебетать, и в их невнятных высказываниях я улавливаю звуки согласия. Даже Нумеролог что-то хрипит, глядя на меня благодарными глазами-черносливами. Далай-Лама и Сухарь подаются в мою сторону, чтобы обрушить на меня шквал рукопожатий, но Старшая отгоняет их, и на этот раз я ей даже благодарен. При сильной ноющей боли в груди я сейчас не очень обрадуюсь, если меня начнут трясти за руку три восторженных труса, коими я до сих пор подспудно считаю своих соседей.

– Сделайте уже хоть что-то полезное! – командует Старшая.

На этот раз мои соседи подчиняются и неловкой процессией покидают тридцать шестую. Я уверен, что Старшая последует за ними, но она остается, и вот мы уже в комнате одни.

– Сядь, в ногах правды нет, – хмыкает Старшая, глядя на то, как у меня предательски подрагивают колени. Чувствую я себя преотвратно, как будто по мне проехался грузовик, поэтому предложение сесты меня вдохновляет. Опираюсь на металлическое изножье кровати, осторожно сажусь. Старшая тут же плюхается рядом... очень близко. Ее рука бесцеремонно ложится мне на коленку, и я вздрагиваю.

– Больно, что ли? – удивляется она.

– Н-нет, – выдавливаю я, отводя взгляд и сжимаясь в тугой комок нервов. – Нормально все.

В жесте Старшей – только деловитость и покровительство, ничего другого. Но мне все равно перехватывает дыхание, и на этот раз боль в груди тут ни при чем. Просто не припомню, чтобы девчонки когда-либо садились ко мне так близко и вели себя так... *никак*. Старшую, наверняка, волнует сейчас совсем другое. Например, мое состояние или подробности злключения. Уж точно не ее рука на моей коленке! Но... в этом-то и проблема. В таком случае, лучше б уж продолжала держать дистанцию. При этом, как девчонка, Старшая мне не то чтобы нравится, но то, что она совсем не стесняется своих жестов и даже не видит в них ничего многозначительного, почему-то обидно.

– Как себя чувствуешь? – спрашивает она.

– Бывало и лучше, – бурчу в ответ и слегка дергаю ногой, пытаюсь указать Старшей на неуместность ее жеста. Она убирает руку, и я надеюсь ощутить ее смущение, но ее поведение ни капли не меняется. Как будто она даже ничего не заметила.

– Догадываюсь, – понимающе отзывается Старшая. – На такое здесь... мало кто отважился бы. Ты это сделал, потому что не знал, или у тебя инстинкт самосохранения в полной отключке?

Я с запозданием вскидываюсь. Тон Старшей не сразу дал понять, что эта язва снова издается.

– Ничего у меня не в отключке! – возражаю я, хотя недавно думал о себе то же самое. – Разве не нормально попытаться помочь, когда кто-то попал в беду? Или для тебя понятнее сидеть и смотреть?

Осекаюсь, чтобы сделать вдох и невольно морщусь, хотя отмечаю, что боль становится слабее.

Старшая от моих слов делается мрачно-серьезной.

– Если б для меня было нормально не вмешиваться, я бы не оказалась сегодня здесь, а радовалась, что все происходит не в моей комнате, – отвечает она. На этот раз в ее словах никакой издевки.

Все происходит не в моей комнате, – повторяю про себя ее слова. Память невольно начинает прокручивать все, что произошло этой злосчастной ночью. Мой поступок, реакцию соседей, кличку, которую мне дали, Старшую, кладущую мне руку на коленку... и всё это на фоне того, что ни один из присутствующих даже не удосужился спросить, что за неведомая чертов-

щина порывалась напасть на Нумеролога! Как будто в любом интернате по коридорам ночами разгуливает всякая жуть и убивает детей!

Впрочем, я не уверен, убивает ли Холод – меня-то он, вроде как, не убил, хотя моя грудная клетка и чувствует себя так, будто по ней прокатился танк. Но даже если Холод не убивает, он все равно слишком *нереальный*, чтобы стать обыденностью. А значит, такого попросту не может быть.

Мне это снится, – вдруг понимаю я. Мысль кажется настолько очевидной, что я даже начинаю смеяться. Очень осторожно, чтобы не побеспокоить притаившуюся в грудной клетке холодную боль.

– Ты совсем дурак? – шипит Старшая. – Чего ржешь, как идиот?

Я перестаю смеяться. Все-таки эта девчонка даже во сне противная и ядовитая. Видимо, со вкусом у меня тоже плохо, раз я не удосужился грезить о ком-нибудь поприветливее.

– Это самый тупой сон, который только можно придумать, – выдавливаю я.

Старшая приподнимает брови. Затем лицо ее принимает коварное выражение, и вслед за заговорщицкой улыбкой она резко, как змея, щиплет меня за ногу. После прикосновения Холода это кажется пустяком, но от неожиданности я все равно ойкаю и отталкиваю ее руку, борясь с внутренней обидой.

– Убедился? – сладковато скалится Старшая.

– В чем? Что ты – зараза, каких поискать? – огрызаюсь я.

– Нет, придурок. В том, что ты не спишь. Мог бы и раньше догадаться: во сне боли не бывает. А ты уже минут десять сгибаешься от нее пополам.

Вообще-то в словах Старшей есть резон. Но что же получается? Что я действительно бросился спасать соседа от какой-то мистической тварюги? Наяву? Думать об этом мне пока не хочется, и я концентрируюсь на своей неприязни к собеседнице.

– Еще раз распустишь руки, и я тебе врежу, поняла? И не посмотри, что ты девчонка! Сама навалилась.

Старшая, как ни странно, понимающе кивает и приподнимает руки в знак мира. Конечно! Никому не хочется получать затрещины и тумаки. Я даже жалею, что у меня не хватает гонора треснуть девчонку без предупреждения. Будь она парнем, было бы проще ее осадить...

– Если впаду при тебе в такое же идиотическое состояние, можешь врезать, – безразлично пожимает плечами она. – Правда, тебе придется слишком тщательно подыскивать возможность. Я в отличие от тебя контролирую свои эмоции.

Она явно очень гордится собой, произнося это. У меня так и вертится на языке, что эта чокнутая садистка не контролирует свои клешни, но предпочитаю этого не высказывать и пока не понимаю, жалею об этом или нет. Ноющая боль в груди напоминает, что не жалею: если вступлю в перепалку, у нас точно дойдет до драки. А я сейчас явно не в том состоянии, чтобы с кем-то драться.

– Слушай, – морщась, вздыхаю я. – Если ты пришла, чтобы поупражняться в ядовитых фразочках, выбери другой день. А в идеале другого кандидата. Уверен, тебе и без меня есть, кого доставать.

– Доставать?! – возмущается Старшая, вскакивая с кровати и нависая надо мной, как надзиратель. – Да ты сам, кого хочешь, доведешь до белого каления!

Я невольно ухмыляюсь, понимая, что поймал эту язву в ловушку.

– Тогда, может, пойдешь туда, где я не буду так тебе досажать? – с противной елейностью цежу я. – Это ведь *ты* в моей комнате, а не я в твоей.

Ожидаю чего угодно: что Старшая вскинется, наорет на меня, бросится вон из тридцать шестой или снова распустит руки, но ничего из этого не происходит. Она задумчиво замирает, отходит к кровати напротив и садится на нее... хотя больше это похоже на изломанное падение марионетки, брошенной кукловодом.

– Ну да... – задумчиво говорит она.

Я чувствую, как мое лицо вытягивается от изумления. Или от возмущения, поди разбери.

Все-таки я совсем не понимаю эту девчонку! Резкая, дерганная, щетинистая, мнит о себе черт знает что... И все же я почему-то рад, что она не сбежала и не повела себя, как психованная истеричка. Мне приятно, что она осталась и тихо села на кровать напротив. В задумчивости с ее лица сползает вечно недовольная гримаса, а из всего тела будто перестают торчать невидимые колючки, на которые наталкиваешься каждый раз, когда Старшая – *Старшая*.

Сейчас она не такая. Сейчас она кажется почти потерянной, и мне хочется подойти к ней и сесть рядом. Я сделал бы это, если б не знал, что тем самым тут же воскрешу ее прежнее амплуа, а меня слишком радует и впечатляет теперешнее, поэтому я молчу и ловлю момент.

Момент разрушается с первой же репликой Старшей.

– Не место тебе тут, – тоскливо вздыхает она.

– Это вместо «извини, что нахамила у тебя дома»? – хмыкаю я. – А этикет у нас в школе не преподают? Тебе не помешало бы!

Старшая поднимает на меня взгляд. Очень серьезный, почти *майорский*.

– Почему ты сказал «дома»? – напряженно спрашивает она.

– Почему ты просто не скажешь «извини»? – упорствую я.

Старшая сжимает губы, и они кривятся от раздражения. Из спины и плеч снова вырастают невидимые колючки, и разъяренный дикобраз вот-вот пойдет в атаку.

– Знаешь, что? – вздыхаю я, не собираясь больше позволять ей вольничать. – Либо сейчас я буду задавать вопросы, а ты мне на них ответишь, либо проваливай, ясно? Мне уже надоели твои командирские замашки. Не можешь общаться нормально – давай не будем.

Старшая сжимает кулаки, но вновь делается задумчивой, будто вспоминает что-то. Что бы ни пришло ей в голову, это заставляет ее сдержаться. И хотя я ясно вижу, что больше всего Старшей хочется гордо уйти, хлопнув дверью, она делает над собой усилие, чтобы остаться и продолжить разговор. Подход у нее такой же основательный, как во всем: она ведет себя, как ответственный дежурный, которому дали важное задание.

– Ладно, – цедит она. – Задавай свои вопросы, *Спасатель*. Но извиняться я перед тобой не собираюсь, этого можешь не ждать.

Ее принципиальность в этом вопросе рассмешила бы меня, не будь я так смущен новой кличкой. Звучит она странновато и тяжеловесно, хотя, надо признать, не может не льстить. Все лучше, чем «Малыш», в конце концов! Но пообвыкнуть со «Спасателем» тоже будет непросто.

– Для начала, – прочистив горло, заговариваю я, – что за штуку я отогнал от Нумеролога?

Старшей не нравятся мои вопросы. Из всех, что я ей задал с момента знакомства, ей не понравился ни один, это видно невооруженным глазом. С утра я от этого слегка тушевался, но сейчас мне это надоело. В конце концов, я успел насмотреться тут всякого в первый же день! Не знаю, почему, но это вселяет в меня непоколебимую уверенность, что я теперь имею право допрашивать старожилов, сколько угодно.

Похоже, Старшая не может найти контраргументы такой позиции. Она долго молчит, явно подыскивая, чем меня заткнуть.

Не находит.

Злится.

Смотрит на меня.

Не дожидается реакции и нервно хватается за собственные коленки, сжимаясь в тугую струну.

– Ты ее не то чтобы *отогнал*, – нехотя начинает Старшая. – Отогнал ты, скорее, самого Нумеролога. Заставил прийти в себя. Холод его не достал и ушел. Ты его запутал, понимаешь?

– Нет, – честно отвечаю я. – Не понимаю. Совсем! Какого черта ты говоришь об этой штуке так, будто это нечто обычное?!

Старшая буравит меня глазами.

– Потому что это так. Здесь – так бывает. Но об этом не принято говорить вслух. Меньше говоришь, меньше ее призываешь. Точнее, *это*. – Она недовольно вздыхает. – *Это* здесь называют просто Холод. Думаю, не надо объяснять, почему?

Я кривлюсь в ответ на очередную колкость, но предпочитаю проигнорировать выпад Старшей.

– Название мало что объясняет. Что это? Откуда взялось? Почему приходит? Что делает? Старшая морщится от потока вопросов, как от прокисшего супа.

– Полегче на поворотах! – осаживает она. Затем нервно оправляет пижаму безо всякой надобности и картинно покашливает. – Думаешь, ты самый умный тут? Спрашивает он, что это и откуда! Только посмотрите на него!

Я закатываю глаза.

– Уймись, тут нет зрителей. Если не знаешь ответа, так и скажи, хватит воображать себя Майором.

Щеки Старшей почему-то краснеют.

– А Майор здесь при чем?

– Не строй дурочку, – машу рукой я, и Старшая вздрагивает, как от пощечины, но я предпочитаю сделать вид, что не заметил этого. – Думаешь, я не понял, у кого ты этих командирских замашек нахваталась? Копируешь отлично. Но пример, на мой взгляд, не лучший, уж извини.

Старшая невесело усмехается.

– По-твоему, я его копирую?

– Тебя, что, заинтересовало мое мнение? – удивляюсь почти искренне.

На губах Старшей тоже появляется улыбочка, только кислее моей.

– Ты, наверное, первый, кто предположил, что я просто его копирую. Одноклассницы думают, что я его охмурить пытаюсь.

– Фу! – невольно выкрикиваю я. – Он же старый!

Старшая смотрит на меня своим фирменным долгим и пристальным взглядом, а потом вдруг начинает хохотать. При хриплом голосе смех у нее оказывается громкий, звонкий и до ужаса заразительный. Я против воли подхватываю его и тоже смеюсь. Хотя, судя по звукам, скорее, кричаю: смеяться больно, но я все равно почему-то не могу сдержаться. Удивляюсь, как к нам еще не пришел кто-то из соседей...

Соседи! Холод! А если...

Резко вскакиваю, тихо ахнув от боли в груди и придержав ее рукой.

– Старшая... Холод! А если он... а если он ушел к кому-то из соседей? Мы же его только отсюда прогнали, он может...

Старшая машет рукой.

– Сядь, отдышись, – серьезноет она. – Никого он больше не тронет. Он за Нумерологом приходил. – Ее брови сдвигаются к переносице. – Ничего бы этого не было, если б Стриж с Далай-Ламой и Сухарем вовремя поняли, что Нумеролога надо тащить в Казарму. – Она переводит на меня взгляд и снисходительно кивает. – Да сядь ты уже! Только в себя пришел, опять за грудь схватился. Раз уж решил подставиться Холоду, дай потом себе время оправиться.

Глотаю горькую пилюлю нотации Старшей, и мы с пружинами кровати скрипим в унисон.

– Что он такое? Призрак или... что-то типа того? – устало выпрашиваю я. Старшей, похоже, становится совестно за слишком частые уходы от ответов, и она кивает.

– Скорее, что-то вроде ожившей легенды. Дети интерната рассказывали друг другу страшилки у костра целыми поколениями: про Холод, про болотницу. Были и другие страшилки, но эти почему-то рассказывали чаще всего. Когда в какое-то явление верит разом слишком много людей, это может сделать его реальным.

Я скептически приподнимаю бровь.

– Ты это серьезно сейчас?

– Что, в груди не болит уже?

Мои губы сжимаются в смущенную гармошку. С каждой секундой мне все больше хочется отрицать то, что я видел. Если бы не боль в груди, ей-богу, уже решил бы, что это все было просто кошмарным сном.

– Ладно... – Я качаю головой, не веря, что допускаю нечто подобное. – Ладно. Допустим. Ожившая легенда, так? И что она делает? Зачем приходит?

Старшая пожимает плечами.

– Если б мы так хорошо разбирались в его мотивах, может, уже и прогнали бы. Мы не знаем, почему он приходит. Но иногда кому-то снится сон-бродун. Это вестник Холода... по крайней мере, я так думаю. Всегда, когда кому-то снится такой сон, потом приходит Холод.

– Сон-бродун?

– Этот сон бродит от одного ученика к другому, – терпеливо объясняет Старшая. – Он всегда одинаковый: в нем интернат как будто заброшенный...

Меня прошибает током. Откуда Старшая могла узнать, что мне снилось?

– Я же видел такой сон! Прямо сегодня!

Старшая кажется удивленной. Похоже, я слишком быстро интегрируюсь в жизнь интерната, и ее это смущает. Еще немного и она, наверное, будет готова взять назад свои слова о том, что мне здесь не место.

– И в этом сне ты ходил по территории?

– И видел единственное окно со светом – в нашей комнате. В тридцать шестой.

– Огонек видел? – удивляется Старшая. – Значит, это не бродун. Там весь интернат...

– Порос сорной травой и лесом?

– Да, но...

– Так и было. И я видел все, как на ладони, хотя стоял у самых ворот. Только в ученическом корпусе горело одно окно, и я пошел в эту комнату. Открыл дверь и проснулся, а потом... потом все случилось.

Старшая задумчиво хмурится.

– Этот твой сон очень похож на бродун, но обычно никто не видит, *куда* придет Холод. Я не знаю, что сказать. – Она качает головой. – Это... странно.

Я терпеливо вздыхаю. В груди по-прежнему ноет.

– Ладно, черт с ним. Со сном более-менее понятно. А дальше? Холод приходит и... что?

– Холод выбирает... – Старшая с трудом подбирает слова, – *и так замороженную цель*. Заторможенную. Он ее касается, и ученик исчезает вместе с Холодом.

Я молчу. Не знаю, как на это реагировать. Голова от полученной информации начинает противно гудеть, и я слабо трясу ей, пытаясь уложить там эту дикую историю. Невольно вспоминаю Пуделя, Майора и «трудный период», про который они оба говорили.

Пока я сижу и пытаюсь смириться с этим абсурдом, в груди снова понемногу теплеет, и это так приятно, что я уже готов принять на веру что угодно. В дальних уголках сознания бьется идиотская идея, что теперь – после прикосновения Холода – местные легенды пустят во мне свои корни, и скоро я начну верить во все это и воспринимать так же нормально, как старожилы. Что ж... я пока не могу разобрать, плохо это или хорошо.

– Ясно, – выдавливаю. – И куда они потом деваются?

– Никто не знает, – отвечает Старшая.

– И, что, никто не искал?

– Опять решил, что ты тут самый умный?

Я устаю бодаться со Старшей и качаю головой. Ладно, видимо, искали и не нашли, так и запишем. Я вдруг понимаю, что меня волнует еще один вопрос.

– Но ведь Холод коснулся *меня*. И я не исчез...

Боюсь договаривать свою мысль, но по моему учащенному дыханию Старшая и так понимает, чего я боюсь.

– Не волнуйся, ты уже не исчезнешь. Ты сбил Холод с толку, он не нашел свою цель и ушел. В Казарме Нумеролога поставят на ноги, и Холод перестанет быть для него опасным. – Старшая пожимает плечами и добавляет: – Что бы ты там себе ни думал про Майора, он это действительно умеет.

Я хмурюсь.

– Так туда отправляют *за этим*? Получается, Майор тоже знает про Холод? И директор знает? Как это может быть, ведь...

– Хочешь расспрашивать их – иди и расспрашивай, – отмахивается Старшая и встает. – Но лучше тебе сейчас отдохнуть. И мой тебе совет: поменьше бери на себя задачи, которыми должен заниматься *не ты*.

Я открываю рот, чтобы возразить, но Старшая направляется к двери, а через секунду в тридцать шестую возвращаются мои соседи, и я понимаю, что теперь донимать вопросами будут уже меня.

Часть вторая Спасатель

Глава 11. О портретах соседей, ночных разговорах и заботе интерната

СПАСАТЕЛЬ

Вернувшись из Казармы, Сухарь, Стриж и Далай-Лама обступают меня и чуть не разрывают мне уши беседами. Я честно пытаюсь ориентироваться в потоке вопросов и историй, но половина в моей голове просто перемешивается, а другую половину я не запоминаю.

Ребята наперебой рассказывают что-то про интернат, упоминают Казарму, и снова пытаются вызнать подробности про болотницу. Кто это такая, я так до конца и не понимаю, поэтому честно признаюсь, что ответить мне нечего.

Удивительно, но разговоров про Холод мы почти не заводим. Не могу сказать, что я этому не рад. Произошедшая история для меня все еще выходит за рамки разумного, и разговаривать о ней вот так запросто я пока не готов.

Будучи не самым внимательным слушателем, совершенно не подготовленным к такому количеству рассказчиков, я стараюсь делать хотя бы то, что хорошо умею – отмечаю особенности поведения моих соседей по комнате и составляю их примерные портреты.

Стриж среди них самый забавный и открытый. Он широко и искренне улыбается, не стесняясь кривоватых зубов, пышет радостью и энергией. Очень активный и компанейский, хотя часто заговаривается или сбивается, из-за чего стесняется и обрывает мысль на полуслове: вероятно, кажется себе глуповатым. Кличка ему подходит, внешность у него и вправду вызывает ассоциации с маленькой птичкой. Довольно крепкое тело выглядит удивительно миниатюрным, а бегающие глазки и голова, похожая на шарик, припорошенный «ежином» волос, довершают начатое. Стриж постоянно что-то жуёт: помалу, но очень часто. Как на него ни посмотришь – все время в руке то сушка, то сухарик, то конфета. А еще он очень наивный, отчего послушный. Простодушно принимает участие во всем, что делают соседи по комнате. Это даже настораживает. Если б такой парень угодил в компанию к настоящим подлецам и манипуляторам, оказался бы погребенным под ворохом проблем. И, скорее всего, даже не заметил бы этого! По счастью, в тридцать шестой таких нет.

В тридцать шестой, вопреки моему ошибочному впечатлению, царит удивительный дух товарищества. Здесь даже нет как такового лидера, хотя в первые минуты им мне показался Сухарь.

Сухарь – высокий темноволосый парень с маком веснушек на неровно-смуглом лице. У него серьезные глаза, приветливая улыбка и спокойный голос, способный внушить кому угодно уверенность в завтрашнем дне. Если он отвлекается от беседы, его лицо приобретает странное, задумчиво-мечтательное выражение, и он напоминает лирического героя поэтов прошлого. Сухарь довольно тихий, говорит не очень много, но к его мнению всегда прислушиваются. Он явно чувствует ответственность за это и слова старается подбирать так, чтобы они звучали весомо. Краем глаза он следит за тем, чтобы всем было комфортно. Во время разговора то и

дело поглядывает на меня, видимо, памятуя о том, как я сгибался от боли, когда они уходили. Внимательный и рассудительный человек, взрослый в теле подростка. Иногда люди с такими качествами могут вызывать опаску: всегда есть риск, что они намотают про тебя на ус слишком много, и потом применяют это в самый неподходящий момент. Сухарь опаски не вызывает. Он очень располагает к доверию, как старший брат, который чувствует себя родителем, оттого что на него частенько оставляли младшеньких.

Его серьезность разительно отличается от серьезности Далай-Ламы. У последнего она соседствует с чопорностью и легким сквозняком элитарности. Он любит выставлять напоказ свои знания психологии, высоко вздергивает нос и частенько задает философские вопросы, от которых может пойти кругом голова. Любит чистоту и показательно содержит в ней всю свою одежду. Его хлопковые широкие фуфайки будят ассоциации с таинственными восточными культурами. Каждая его реплика кажется размеренной, как течение спокойной реки, и иногда в этом течении поблескивают хвосты назидательности. Впрочем, они быстро прячутся в глубину выбранного тона, поэтому отчего-то не раздражают. Я удивлен, потому что обычно такие люди вызывают у меня, как минимум, желание закатить глаза, а здесь – ничего такого.

Про Нумеролога ребята толком ничего не упоминают, а я не спрашиваю. По двум причинам: во-первых, не хочу спровоцировать разговоры о нашем мистическом зловещем заклинании, во-вторых... может, я самонадеян, но собственному суждению о людях доверяю больше, чем чужому. Поэтому портрет самого таинственного своего соседа я предпочитаю отложить до лучших времен.

Время за воодушевленными разговорами имеет свойство подло и незримо ускользать от наблюдателей. Оно прячется и заставляет о себе забыть, а потом показывается самым бестактным образом. Нам оно о себе напоминает золотистым лучом солнца, пробившимся в тридцать шестую из окна. Ложиться спать уже не имеет никакого смысла, но Сухарь все же настаивает на том, чтобы урвать пару часов сна, аргументируя это тем, что «лучше хотя бы два часа, чем ни одного». Соседи с ним соглашаются. Стриж уже через пять минут сладко сопит, Далай-Лама отворачивается к стенке и замирает, а ни у меня, ни у Сухаря уснуть так и не получается. Мы оба периодически открываем глаза и тоскливо оглядываем комнату, предчувствуя мучительную сонливость будущего дня, но усердно изображаем спящих.

Когда дремота почти берет над нами верх, интернат пронзает резкий звонок, похожий на клаксон. С непривычки я от него подскакиваю и сбрасываю одеяло. Соседи, давясь ленивыми смешками объясняют, что это сигнал к пробуждению. Видимо, вчера во время него я уже бродил по территории.

Вялые сборы проходят в тишине, изредка нарушаемой чьим-нибудь ворчанием. Соседи терпеливо показывают мне туалетные и ваннные комнаты – отталкивающе обшарпанные, как и весь интернат – и ведут меня в класс. На мои вопросы о том, где взять учебные принадлежности, мне насмешливо предлагают посмотреть в собственной тумбочке, и я с неподдельным изумлением обнаруживаю там все необходимое. Приходится признать: мнение об интернате начинает постепенно меняться в лучшую сторону. Похоже, это место, как и его обитатели, игнорирует тебя только в первый день. А уже на следующий окружает невидимой убаюкивающей заботой и прорастает в тебя с той же скоростью, с какой ты прорастаешь в него.

Глава 12. О наплевательском отношении, достопримечательности и приказах

СПАСАТЕЛЬ

Никогда не будет второго шанса произвести первое впечатление. С самого утра эти слова сидят у меня в голове занозой, хотя я даже не знаю, кто и когда мне их говорил. Тем не менее, трудно не согласиться с их глубинным смыслом: на учителей я явно произвожу не лучшее впечатление в первый день, и с последствиями этого мне еще долго предстоит разбираться. Как ученик, я сегодня против воли вял и ленив. Глаза у меня закрываются, голова норовит рухнуть на парту. Учителям это не нравится, и они отчитывают меня, заставляя встать перед всем классом. Я усугубляю ситуацию тем, что на осознание замечаний у меня уходит непозволительно много времени. Впрочем, в этом я виню, скорее, интернат с его порядками, чем себя. У учителей здесь крайне странная манера вызывать учеников: они называют только номер парты и место, а мне сегодня не удастся быстро соображать. Да никто и не предупредил, что надо считать парты и нумеровать стулья. По отношению к человеку после бессонной ночи это то еще зверство! Да и в целом педагогическая ценность у такого подхода сомнительная, но приходится смириться.

Первые три урока ограничиваются простыми замечаниями и указаниями быть внимательнее. Потом наступает завтрак, на котором я замечаю, что многие косятся на меня. Видимо, заявления соседей, что о моем злключении на болоте все говорят, не было преувеличением.

После раздачи я усаживаюсь за один стол с Далай-Ламой, Сухарем и подоспевшим Стрижом. Ищу глазами Старшую, но почему-то не нахожу. То ли невнимательно ищу, то ли она не приходит. Не исключено ни то, ни другое.

Автоматически потребляю кашу и бутерброды с маслом и медом, запиваю водянистым чаем, который почему-то кажется очень вкусным. Звенит звонок – менее резкий, чем сигнал к побудке – и муравейник интерната снова разбредается по ячейкам классов.

На четвертом уроке мне так уже не везет: сонливость после завтрака становится жестче, я игнорирую замечание в свой адрес, и вот меня уже поднимают перед классом с готовностью увести на расстрел.

– Поразительный уровень безответственности! – квохчет полноватая учительница, то и дело срываясь на неистовые театральные интонации. – Если вы демонстрируете такое наплевательское отношение к учебе в первый день, что же будет дальше?

Голос снует по регистрам вверх и вниз, у меня начинает гудеть в ушах от этой оперной разминки, а в глазах рябит от боевого раскраса учительницы. Кислотно-голубые тени, бешеное количество туши, румяны и ярко-алые губы. Мой изголодавшийся по сну мозг начинает искажать сигналы, и вот я уже почти вижу вместо учительницы жуткого размалеванного клоуна.

– Что вы молчите? – призывно опускается на меня плеть ее голоса. – Нечего сказать в свое оправдание?

Покачиваюсь и опираюсь на парту, чтобы не уснуть.

– Мне жаль, – отвечаю, с трудом ворочая языком. – Постараюсь больше вас не расстраивать.

Моя мучительница раздражается еще одной серией упреков в мой адрес, но я уже ее не слушаю – сил на это не остается. Мои соседи (Далай-Лама и Сухарь, со Стрижом мы в разных классах) тихо посмеиваются, глядя на меня, и сочувственно кивают.

Терпи, ничего не поделаешь, – говорит взгляд Сухаря.

Судьба у тебя сегодня такая, – назидательно сообщают глаза Далай-Ламы.

Остальной класс тоже изучает меня, и в который раз в лицах одноклассников я ловлю неподдельный восторг. Их как будто приводит в восхищение то, что меня уже в третий раз отчитывают за «наплевательское отношение к учебе». Видимо, среди учеников это считается смелостью и общественно одобряемым бунтом.

Как по мне, мое нынешнее положение никак не располагает мной восторгаться. Будь здесь Старшая, она, скорее всего, поделила бы мое убеждение. Это был бы тот редкий момент, когда мы с ней согласились.

Мысль о Старшей заставляет меня дернуться и на какое-то время проснуться, как будто она и вправду может внезапно здесь оказаться. Но напрасно: на первых двух уроках я ее не видел, стало быть, мы учимся не вместе. Поджимаю губы, сам не понимая, от чего: собственных мыслей не разбираю под взлеты и падения голоса учительницы. Она уже лепечет что-то насчет Казармы, и почему-то после этого слова класс наполняется гомоном. Я замечаю двух девочек, соседок по парте. Одна из них решительно встает и пускается в спор с учительницей. Широкоплечая и монументальная, она напоминает воинственную валькирию. С соседкой по парте она вызывает разительный контраст, потому что та – маленькая и хрупкая, похожая на изящно сделанную фарфоровую куклу.

– Да пусть он уже сядет! Зачем отчитывать ученика в первый день? Разве это педагогично?! – зычно и с вызовом возмущается валькирия.

– Может, продолжим урок? Пожалуйста... – тихим колокольчиком звенит голосок ее кукольной соседки. Из-за парты она не поднимается, лишь призывно кивает и распахивает огромные глаза, в которых рождается просьба, неспособная выдержать отказ.

– Мы продолжим, – вздергивает подбородок учительница. – Но молодой человек прогуляется до Казармы. Пусть там решают, можно ли вас допускать до учебы, учитывая ваше, – она неуютно кривится, – состояние.

Под аккомпанемент одобрительных выкриков одноклассников и распевных попыток учительницы уgomонить их я послушно выхожу. Куда идти, мне, если честно, все равно, поэтому безропотно бреду в сторону Казармы. Пока иду, сонливости душноватого класса понемногу рассеивается, и голова проясняется. К мрачной клетке военного рая Майора я подбираюсь вполне живым. Бегающие по плацу ученики сразу обращают на меня внимание. Я ищу и не нахожу среди них Пуделя, зато вижу Нумеролога. Вид у него недовольный и уставший, но, как ни странно, выглядит он бодрее, чем вчера.

От Майора не ускользает, что его полубездыханные солдаты отвлеклись, и он поворачивается в мою сторону.

– Отдыхаем десять минут! – подняв руку, командует он.

Я замираю, не веря своим глазам, не в силах отделаться от самодовольной мысли, что именно мое появление заставило Майора пощадить учеников. Пока тренер направляется ко мне, остальные без стеснения меня разглядывают, и я все сильнее чувствую себя чем-то вроде местной достопримечательности. Чувство... странное, не менее тяжеловесное, чем моя новая кличка.

– Какими судьбами? – вырывает меня из раздумий голос Майора. На бородатом лице тень улыбки. – Пришел вызволять из моих лап соседа по комнате, чтобы оправдать прозвище?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.